

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

34 2023
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 34 (481) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Евгеньевич Порай-Кошица* (1877–1949) — российский советский химик-органик, действительный член АН СССР, лауреат Сталинской премии первой степени, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР и Татарской АССР

Александр родился в Казани в семье капитана 160-го Абхазского пехотного полка Евгения Александровича Порай-Кошица и Марии Димитриевой, детство провёл в Саратове. В 1895 году окончил классическую гимназию с золотой медалью.

В 1896 году юноша поступил в Технологический институт, где с третьего курса приступил к занятиям на химическом факультете.

Первыми учителями Порай-Кошица были Александр Александрович Яковкин (читавший лекции по общей химии) и Александр Кириллович Крупский (курс общей химической технологии).

Первым научным руководителем А. Е. Порай-Кошица стал Алексей Евграфович Фаворский — известный химик-органик, ученик А. М. Бутлерова. Он предложил А. Е. Порай-Кошицу тему первой научной студенческой работы.

За участие в студенческих волнениях в 1902 году Александр Евгеньевич был исключён из института, в результате чего он уехал учиться в Базельский университет. Через год вернулся и был восстановлен в числе студентов Технологического института, курс которого окончил в 1903 году со званием инженер-технолога, по специальности технология красящих и волокнистых веществ.

По окончании института Порай-Кошиц был командирован за границу в качестве профессорского стипендиата и до конца 1904 года работал в Базеле под руководством профессоров Р. Х. Нецкого и Г. Рупе. Здесь он сдал докторский экзамен и работу «К изучению метинаммониевых красителей» и получил степень доктора философии. В течение следующего года А. Е. Порай-Кошиц работал на анило-красочных заводах в отделах сернистых красителей и в колористических лабораториях, за это время он осмотрел многие фабрики Германии, Швейцарии, Бельгии и Франции.

В 1905 году химик вернулся в Технологический институт, с которым с этого момента была связана вся его последующая жизнь и научная деятельность.

В 1911 году Александр Евгеньевич возглавил красильную лабораторию, читал курсы лекций по химической технологии волокнистых веществ. С 1913 он был избран адъюнкт-профессором института, а в 1917 году — ординарным профессором по специальности «Химия и технология красящих и волокнистых веществ».

В 1910 году Александр Евгеньевич предложил осцилляционную теорию, которая давала динамическое объяснение цветности красящих веществ. Впоследствии появились различные новые теории по этому вопросу, но

все они так или иначе основывались на тех же идеях, что и теория Порай-Кошица. Именно здесь он предложил ввести термин «краситель», который, по его словам, «соответствует духу русской научной и технической терминологии».

По инициативе Порай-Кошица был создан Ленинградский филиал Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей, который вскоре стал почти самостоятельным научно-исследовательским институтом, занимающимся вопросами анилинокрасочной промышленности.

За большую научную работу А. Е. Порай-Кошиц в 1931 году был избран член-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1935 году — её действительным членом. В 1943 году он получил Сталинскую премию.

В годы Великой Отечественной войны Александр Евгеньевич работал в Казани, куда был эвакуирован Технологический институт и Академия наук. В это время он уделил большое внимание развитию химической промышленности в восточных районах страны.

Под руководством Александра Евгеньевича на кафедре органических красителей и фототропных соединений было создано множество уникальных научных технологий, в том числе:

- оригинальные высокотермостойкие фоторезисты для микроэлектроники;
 - уникальный ассортимент плёночных светочувствительных светофильтров для космической техники и телевидения;
 - разработаны оригинальные методы светостойкого колорирования природного янтаря, позволившие получить необходимую цветовую гамму для воссоздания Янтарной комнаты Екатерининского дворца в Царском Селе.
- Александр Евгеньевич развивал идеи А. М. Бутлерова о лабильности связей и динамической таутометрии органических соединений.

Порай-Кошиц — один из авторов промышленного метода получения спирта из сельскохозяйственных отходов.

Александр Евгеньевич Порай-Кошиц умер 17 апреля 1949 года и был похоронен на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга. По постановлению Совета Министров СССР имя академика А. Е. Порай-Кошица было присвоено лаборатории технологии органических красителей Ленинградского Технологического института им. Ленсовета и была установлена стипендия его имени. Также имя А. Е. Порай-Кошица присвоено Рубежанскому политехническому колледжу, входящему в Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко в городе Рубежное Луганской области.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Андреев А. А.**
Становление и развитие института коммерческой тайны в российском праве 65
- Арзуманова В. Б.**
«Гонорар успеха» адвоката в российском гражданском процессе: правовые основы и практический опыт 69
- Бегинина А. А.**
Правовой статус и полномочия транспортного прокурора и его роль в осуществлении надзора за деятельностью таможенных органов 74
- Бондаренко П. М.**
Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании отношений, возникающих на основании трудового договора..... 76
- Вахрушева А. С.**
Зарубежный опыт привлечения к ответственности за нарушения налогового законодательства..... 78
- Волкова А. Р.**
Ответственность автомобильного дилера — исполнителя гарантийного ремонта, не являющегося продавцом 81
- Габдрахманова А. Р.**
Программирование расследования и криминалистическое мышление 83
- Габов А. В.**
Право на обжалование органом дознания (дознавателем) решений и указаний прокурора при производстве процессуальной проверки и расследовании уголовного дела..... 85
- Галанов К. А.**
Особые экономические зоны в Российской Федерации: финансово-правовое регулирование..... 87
- Головко Д. И.**
Некоторые положения защиты прав потребителя в розничной торговле 89
- Гринчевский Р. Ф.**
Искусственный интеллект и электронное правосудие: перспективные нюансы использования..... 91
- Депре В. А., Рябова К. А.**
Проблема коррупции в сфере ЖКХ 94
- Дубровская М. И.**
Проблемы договора энергоснабжения 96
- Латыпова К. С., Алексеенко Ю. А.**
К вопросу о прокурорском надзоре за органами дознания 99
- Мамедов А. Г.**
Судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора: содержание и пределы 100
- Нырова Т. А.**
Прокурорский надзор за соблюдением избирательных прав граждан Российской Федерации в условиях цифровизации электорального процесса: актуальные проблемы и пути их решения 103
- Обидов М. М.**
Роль международного обычая в XXI веке 105
- Пеньков Н. Г.**
Уголовная ответственность за разбой в зарубежных странах..... 106
- Просвиркина И. А.**
Допустимость прощения долга между коммерческими организациями..... 110
- Смирнова Ю. В.**
Добросовестность сторон при проведении переговоров до заключения договора 113

ИСТОРИЯ

Бобожонов Ш. У.

Свадебные обряды узбекского народа
(на примере Ташкентского оазиса)116

Задорожный Е. А.

Реализация декрета «Об изъятии церковных
ценностей...» в 1922 году на территории
Белгородского и Томаровского районов Курской
области..... 118

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Становление и развитие института коммерческой тайны в российском праве

Андреев Александр Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

Статья посвящена исследованию становления и развития института коммерческой тайны в российском праве. Рассмотрены основные этапы становления института коммерческой тайны в российском праве и их значение в развитии современного высоко конкурентного общества. На основе данных действующего законодательства, автором рассмотрено определение «коммерческой тайны» с учётом развития товарно-денежных отношений и рыночной экономики. В рамках исследований специальной правовой литературы предложены различные точки зрения относительно понятия «коммерческая тайна», выделены их схожие черты и отличительные признаки от иных смежных правовых категорий. Автором рассмотрены основные признаки коммерческой тайны, как особого объекта гражданских прав, необходимых для должного регулирования коммерческой тайны на законодательном уровне. Предложен перечень сведений, по отношению к которым не может быть установлен режим коммерческой тайны, а также порядок мер по охране и защите коммерческой тайны. В заключении автор приходит к выводу о роли коммерческой тайны в развитии предпринимательской деятельности с учётом влияния геополитических факторов.

Ключевые слова: коммерческая тайна, обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, конфиденциальная информация, секрет производства.

В условиях жесткой конкурентной борьбы правовое закрепление института коммерческой тайны продиктовано объективной необходимостью и спецификой рыночных отношений. Ограничение доступа к информации определенного содержания и наличие механизмов для осуществления такого ограничения присущи каждому обществу, как феодальному, так и экономически развитому. При обращении к истокам возникновения коммерческой тайны можно утверждать, что на протяжении всей истории развития человечества люди вступали в экономические отношения, целью которых являлось сохранение в тайне своего экономического поведения, направленного на максимальное получение прибыли.

Для того, чтобы понять правовую природу «коммерческой тайны» и определить её прямое значение и функцию, которую она выполняет в период глобальной цифровизации, необходимо исследовать историю развития института коммерческой тайны в России. Обратимся к истокам, получившим свое законодательное закрепление в части коммерческой тайны и ответственности за её разглашение.

Первым официальным источником, отражающим ответственность за разглашение ценной информации, являлось «Уложение о наказаниях» 1845 года. В правовых документах 19 века понятия «коммерческая тайна» не су-

ществовало, однако использовался термин «тайна» относительно различных производственных процессов, сопровождавшихся сохранением и не разглашением ограниченного рода информации. Так, раздел VIII «О преступлениях и проступках против общественного устройства и благочиния» включал несколько статей, предусматривающих ответственность за разглашение информации ограниченного содержания:

- 1) ст. 1355 предусматривала ответственность за разглашение фабричного секрета;
- 2) ст. 1187 — за разглашение тайны торговой;
- 3) ст. 1157 — за разглашение тайны кредитных установлений [16].

Если «Уложение о наказаниях» 1845 года не содержало раскрытия понятия «коммерческая тайна», то в «Уголовном уложении» от 1903 г. оно появилось в следующем виде: «под коммерческой тайной понимались особые употребляемые или предполагаемые к употреблению приемы производства». Выделение коммерческой тайны, как особой отдельной категории свидетельствует о большом значении, которое она имела для производителей и торговцев. В «Уголовном уложении» от 1903 г. главой 29 «Об оглашении тайн» были выделены статьи посвященные ответственности за разглашение тайны фабричной, коммерческой и кредитной [16].

Геополитические условия, революция, войны, сопровождавшие нашу страну на протяжении 20 века изменили только сформировавшийся институт «коммерческой тайны» и вплоть до 1990 года такого понятия как «коммерческая тайна» не существовало. Принятие закона СССР «О предприятиях в СССР» статьей 33 установило понятие «коммерческая тайна» как «не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством, технологической информацией, управлением, финансами, и другой деятельностью предприятий, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам» [15, с. 83].

После принятия закона СССР «О предприятиях в СССР» в 1991 году было утверждено Постановление правительства РСФСР № 35 «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну» действующее и в настоящее время в редакции от 2002 года [6].

С 1994 года до 2007 года часть 1 Гражданского Кодекса РФ закрепляла статьей 139 понятие служебная и коммерческая тайна. Статья 139 ГК РФ отражало следующее в части коммерческой тайны: «информация составляет служебную или коммерческую тайну в случае, когда информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на законном основании и обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности» [2].

Параллельно, в 2004 и 2006 годах были введены федеральные законы «О коммерческой тайне» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также четвертая часть ГК РФ, которые основательно закрепили понятие «коммерческая тайна», что придаёт особое значение её правовой природе в рамках рыночных отношений и высокой конкуренции.

Длительный исторический процесс развития института коммерческой тайны, позволяет нам выделить понятие коммерческой тайны в её современном виде в действующих нормативно-правовых актах:

- 1) Конституция РФ [1];
- 2) Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [4];
- 3) Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5];
- 4) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ [3].

Статья 51 Конституции гарантирует, что государство будет защищать право граждан и предоставлять им возможность использовать свои знания и возможности в экономической сфере без опасности разглашения информации, которая может быть предметом конкуренции или незаконного использования [1].

Статья 3 Федерального закона от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» закрепила следующее понятие: «коммерческая тайна — режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду» [4].

Также статья 3 пункт 2 определяют «информацию, составляющая коммерческую тайну как сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны» [4].

Обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, определяется пунктом 4 ст. 3 ФЗ № 98 «О коммерческой тайне» как лицо, «которое владеет информацией, составляющей коммерческую тайну, на законном основании, ограничивает доступ к этой информации и устанавливает в ее отношении режим коммерческой тайны» [4].

Данный Федеральный закон регулирует отношения, связанные с установлением, изменением и прекращением режима коммерческой тайны в отношении информации, составляющей секрет производства.

Статьей 9 «Ограничение доступа к информации» Федерального закона от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» определено также следующее: «информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации» [4].

Важные правовые положения по вопросу коммерческой тайны отражены в рамках главы 75 «Право на секрет производства (ноу-хау)» четвертой части Гражданского кодекса РФ, где «секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны» [2].

При этом, «секретом производства не могут быть признаны сведения, обязательность раскрытия которых либо недопустимость ограничения доступа, к которым установлена законом или иным правовым актом» [5].

Обратимся к правовой литературе и рассмотрим понятие «коммерческой тайны» в совокупности с взглядами исследователей относительно данного вопроса.

Д. В. Напалкова определяет следующее: «коммерческая тайна — это вид коммерчески ценной и охраняемой законом информации. Коммерческая тайна — это конфиденциальная информация, которую компании держат в секрете, чтобы сохранить конкурентное преимущество и защитить свою интеллектуальную собственность» [14, с. 263].

Под коммерческой тайной Е. А. Абросимова понимает «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду» [7, с. 111].

Н. Н. Ковалёв даёт следующее определение «коммерческой тайне»: «это информация, имеющая действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на законном основании, и обладатель принимает меры к охране её конфиденциальности» [11, с. 72].

Е. С. Вершинина полагает, что «информация, составляющая коммерческую тайну, — явление специфического характера, представляющее собой инструмент добросовестных конкурентных отношений хозяйствующих субъектов» [8, с. 34].

«Коммерческая тайна — это сведения, которые могут иметь потенциальную ценность, определить которую в стоимостном эквиваленте зачату возможно лишь приблизительно» полагает О. Б. Давыдова [9, с. 41].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что важно отличать коммерческую тайну от иной коммерчески ценной и охраняемой законом информации. Основное отличие сведений конфиденциального характера от секретной коммерческой информации можно сформулировать так:

— коммерческую тайну составляют конфиденциальные сведения, имеющие специфичную направленность, связанную только с рыночной деятельностью хозяйствующего субъекта (имеющей своей целью получение прибыли);

— термин «конфиденциальная информация» специфичного оттенка не имеет и включает в себя более широкий спектр информации с ограниченным доступом: персональные данные, сведения, составляющие служебную тайну, профессиональную тайну [12, с. 56].

Ещё одним основополагающим отличительным признаком коммерческой тайны от иной информации, содержащей сведения ограниченного содержания выступает разница в способах классификации информации. Список коммерческих сведений формируется его правообладателем, а перечень информации, включающих конфиденциальную информацию установлен законом.

Изложенное позволяет определить условия (признаки), при которых коммерческой тайной можно признать любую информацию:

1) Если данная информация относится к предпринимательской деятельности;

2) Если информация не содержит сведений, относящихся к государственной тайне;

3) Если информация принадлежит конкретной организации;

4) Если информацией не владеют третьи лица, но при этом она представляет реальную ценность для них;

5) Если обладатель такой информации ограничил доступ к ней и принял меры, чтобы защитить ее от несанкционированного доступа и распространения [13, с. 216].

В рамках федерального закона «О коммерческой тайне» установлен перечень сведений, по отношению к которым не может быть установлен режим коммерческой тайны в части реализации предпринимательской деятельности. Это сведения следующего содержания:

1) Сведения, которые вносятся в учредительные документы при регистрации юридического лица в государственных органах;

2) Сведения о видах деятельности хозяйствующего субъекта;

3) Сведения, отражающие состояние расчёты с бюджетом в части внесения выплат социального характера и начислений и выплат заработной платы;

4) Сведения об участии в государственных закупках;

5) Сведения, касающиеся санитарно-экологического состояния, уровня экономической безопасности субъекта хозяйствования;

6) Сведения, отражающие состав имущественного комплекса хозяйствующего субъекта;

7) Сведения о персонале, наличии вакантных мест, оценке движения персонала;

8) Сведения о бухгалтерской отчетности, находящиеся в открытых источниках;

9) Сведения о нарушениях законодательства, привлечении к дисциплинарной, административной, уголовной ответственности;

10) Сведения о лицах, имеющих право действовать без доверенности и по доверенности;

11) По отношению к некоммерческим организациям это сведения о доходах и расходах, имуществе, о целевом финансировании, использовании безвозмездных средств;

12) В отношении государственных учреждений это сведения об использовании бюджетов различных уровней;

13) Сведения, которые включают информацию об ограничении доступа к некоторым источникам информации определённого круга лиц в рамках закона [17, с. 130].

Правообладатель должен принимать меры по охране информации ограниченного доступа. Опираясь на сведения, отраженные в статье 1 федерального закона «О коммерческой тайне», меры по охране и защите коммерческой тайны должны быть установлены в следующем порядке:

1) Необходимо определить и сформировать перечень информации, составляющий коммерческую тайну;

2) Необходимо ограничить доступ к такой информации в рамках внутреннего документооборота. Также нужно установить порядок обращения с такой информацией и определить меры ответственности за несоблюдением контроля такого порядка;

3) Необходимо закрепить перечень лиц, которое будут нести ответственность за несоблюдение порядка обращения с информацией, содержащей коммерческую тайну;

4) Необходимо подготовить трудовые и гражданско-правовые договора, которыми будет регламентированы отношения по использованию информации, содержащую коммерческую тайну;

5) Нанесение грифа с отметкой «Коммерческая тайна» на материальные и нематериальные носители [10, с. 69].

Соблюдение всех вышеперечисленных условий и обстоятельств позволяют приобрести информации статус «коммерческая тайна». Соблюдение мер по защите коммерческой тайны обязательно должны регулироваться внутренними документами хозяйствующего субъекта и быть обязательными для его работников. Не исключены случаи, когда в рамках законодательства правообладателем принимаются дополнительные меры защиты в отношении информации ограниченного доступа. При этом, в соответствии со статьей 5 федерального закона «О коммерческой тайне» меры по охране коммерческой тайны должны быть признаны разумно достаточными. А это означает, что существует возможность передачи такой информации без нарушения режима коммерческой тайны и исключения доступа к такой информации лиц, без согласия ее правообладателя.

Таким образом, проведенный анализ теоретических подходов зарождения и развития института коммерческой тайны позволяет сделать вывод о ее длительном историческом формировании в российском праве. Прежде чем было сформировано полное и многогранное понятие «коммерческой тайны», закрепленное федеральным законом и действующими нормативно-правовыми актами, пройден сложный исторический путь развития, который

неоднократно менялся и не имел законодательного закрепления. В настоящее время понятие коммерческой тайны в её современном виде закреплено в действующих нормативно-правовых актах: Конституции РФ, Федеральном законе от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Гражданском кодексе Российской Федерации (части четвёртой) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Несмотря на законодательное закрепление полемика относительно понятия «коммерческая тайна» присутствует и носит как идентичный, так и противоречивый характер. В рамках ФЗ №98 «О коммерческой тайне» её рассматривают в первую очередь как режим конфиденциальности информации. Гражданский кодекс трактует её как действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, а также как сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Правовая литература рассматривает коммерческую тайну как вид, режим конфиденциальной информации, как информацию или сведения, имеющие ценность. Информация приобретает статус «коммерческой тайны» в случаях, когда к ней нет свободного доступа на законном основании, она имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, а также когда предпринимаются меры к охране ее конфиденциальности. Чтобы те либо иные сведения стали коммерческой тайной, необходимо наличие всех трех указанных признаков по отношению к информации.

Изложенные точки зрения относительно коммерческой тайны в совокупности с иными смежными правовыми категориями позволяют сделать вывод, что институт коммерческой тайны в рамках отечественного законодательства требует совершенствования. Это обусловлено практическими требованиями, складывающимися при реализации общественных правоотношений, а также особыми признаками, присущими только коммерческой тайне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023 г.) (принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.) // Собрание законодательства РФ от 5 декабря 1994 г. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023 г.) // Собрание законодательства РФ от 25.12.2006 г. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
4. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // Собрание законодательства РФ от 09.08.2004 г. — № 32. — Ст. 3283.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ от 31.07.2006 г. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.

6. О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну: Постановление Правительства РФ от 05.12.1991 г. № 35 (ред. от 03.10.2002 г.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=39026&dst=100001&demo=2>
7. Абросимова, Е. А. Коммерческое право: учебник для вузов/Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 590 с.
8. Вершинина, Е. С., Щербакова, М. П. Коммерческая тайна: понятие, условия обработки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2022. — № 1 (57). — с. 33-36. — <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-33-36>.
9. Давыдова, О. Б. Коммерческая тайна и меры по ее защите // Вестник науки и образования. — 2019. — № 9 (11). — с. 41-46.
10. Кайгородцев, А. А., Кайгородцева, Т. Ф. Механизм обеспечения сохранности коммерческой тайны // Научное обозрение. Экономические науки. — 2020. — № 3. — с. 67-71. — URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1054> (дата обращения: 02.08.2023).
11. Ковалев, Н. Н. Информационное право: учебник для вузов/Н. Н. Ковалева. — М.: Юрайт, 2023. — 353 с.
12. Кужилина, Е. Tesla motors против Apple и как в России коммерческую тайну сохранить // Трудовое право. — 2019. — № 8. — с. 56-61.
13. Мелехина, В. С. Коммерческая тайна организации и способы ее обеспечения/В. С. Мелехина // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — с. 215-217. — URL: <https://moluch.ru/archive/285/64303/> (дата обращения: 02.08.2023).
14. Напалкова, Д. В. Коммерческая тайна в цифровую эпоху. Правовой механизм обеспечения защиты коммерческой информации // Молодой ученый. — 2023. — № 13 (460). — с. 263-266. — URL: <https://moluch.ru/archive/460/101234/> (дата обращения: 01.08.2023).
15. Пчелкин, А. В. Предпринимательское право: учебник/А. А. Демичев, М. В. Карпычев, А. И. Леонов. — М.: ИНФРА-М, 2021. — 478 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г./Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654>
17. Федорова, Д. А., Котельникова, М. А., Старченко, А. С. Развитие законодательства Российской Федерации о коммерческой тайне. Порядок возникновения и прекращения права на коммерческую тайну // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5-3 (80). — с. 127-134.

«Гонорар успеха» адвоката в российском гражданском процессе: правовые основы и практический опыт

Арзуманова Вероника Борисовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В настоящее время с учетом необходимости дальнейшего совершенствования механизма реализации конституционно закрепленных гарантий судебной защиты, вопросы повышения качества и уровня доступности для граждан юридической помощи приобретают особую актуальность, как с научно-теоретической, так и с практической точки зрения. Поскольку роль адвоката, как профессионального представителя, обладающего особым специальным статусом, уровнем образования и компетенций в российском судебном процессе возрастает, продолжается реформирование законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, — в соответствии с основными тенденциями развития общественных отношений.

Как известно, с «01» марта 2020 года вступили в силу изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ [1], которые были призваны внести правовую определенность и закрепить право адвокатов на так называемый «гонорар успеха». Статья 25 была дополнена пунктом 4.1.: «В соответствии с правилами, установленными Советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении» (п. 4.1. ст. 1 Федерального закона от 02.12.2019 г. № 400-ФЗ) [2].

«02» апреля 2020 г. № 12 Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ были утверждены «Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юриди-

ческой помощи». Согласно п. 1 Правил под «гонораром успеха» понимается обусловленное результатом оказания адвокатом юридической помощи вознаграждение [4]. В абз. 2 п. 1 Правил указано, что положение об обусловленном вознаграждении может быть включено в соглашение для обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи лиц, у которых на момент заключения соглашения отсутствует возможность выплачивать вознаграждение адвокату, и в иных случаях, когда это не противоречит законодательству и Правилам [4].

Кроме того, Правилами определен порядок включения в соглашение условия о «гонораре успеха», в частности:

— положение об обусловленном вознаграждении не может включаться в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу или по делу об административном правонарушении;

— включение в соглашение положения о гонораре успеха не является гарантией или обещанием положительного результата оказания юридической помощи;

— соглашение должно ясно и недвусмысленно определять результат оказания адвокатом юридической помощи, которым обусловлена выплата (размер выплаты) вознаграждения;

— обусловленное вознаграждение может определяться как твердая денежная сумма, как доля (процент) от размера удовлетворенных требований доверителя или от размера требований к доверителю, в удовлетворении которых было отказано, а также иным способом, позволяющим рассчитать размер вознаграждения;

— не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом;

— при заключении соглашения адвокат обязан предупредить доверителя о том, что последнему не может быть гарантировано взыскание в качестве судебных издержек с другого лица, участвующего в деле, суммы выплаченного адвокату обусловленного вознаграждения.

Согласно позиции авторов, принимавших участие в разработке Правил, «гонорар успеха» в первую очередь должен соответствовать интересам доверителя и быть полезным для судопроизводства.

Между тем, фактически понятие «гонорара успеха» в России существовало и до внесения соответствующих изменений в законодательство об адвокатской деятельности. Однако следует отметить, что, несмотря на отсутствие официального запрета на включение условия о «гонораре успеха» в соглашение об оказании юридической помощи, правовая оценка правомерности использования данного механизма формировалась исключительно судебной практикой, которая в течение длительного времени имела весьма противоречивый характер, что значительно затрудняло реализацию положений об обусловленном вознаграждении.

Отечественные суды вначале придерживались единой позиции о невозможности установления обязанности заказчика оплатить исполнителю вознаграждение за ока-

занные юридические услуги и определения ее размера в зависимости от достижения положительного результата, поскольку он относится к исключительной компетенции органа власти и не может быть обеспечен исключительно надлежащим выполнением исполнителем предусмотренных договором услуг. Аналогичная правовая позиция содержалась в п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 г. № 48 [6].

Дискуссия о «гонораре успеха» активизировалась в правовой среде с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 г. № 1-П, в котором указывалось, что не подлежит удовлетворению требование исполнителя о выплате вознаграждения, если данное требование истец обосновывает условием договора, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или госоргана, которое будет принято в будущем [5]. Вместе с тем, не исключалось право федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и, исходя из конституционных принципов правосудия, предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь. А судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов в своем особом мнении выразил следующую позицию: «Достигнутое по обоюдному соглашению сторон условие договора возмездного оказания правовых услуг в делах об имущественных спорах, когда вознаграждение устанавливается в долях или процентах от удовлетворенной суммы иска, соответствует юридической природе подобного договора, не имеет законного ограничения и должно подлежать судебной защите» [10].

Таким образом, в данном Постановлении Конституционный Суд РФ закрепил в некоторой степени «двойственный» правовой подход: с одной стороны, выступая против возможности установления условия о «гонораре успеха» в договоре о возмездном оказании услуг, а с другой — не запретил урегулировать этот вопрос в специальном законодательстве. Позднее в п. 6 Информационного письма от 05.12.2007 г. № 121 Президиум ВАС РФ также изменил свою позицию, допуская возможность удовлетворения требования о возмещении судебных расходов при выплате представителю вознаграждения, обязанность по уплате и размер которого были обусловлены исходом судебного разбирательства, но только с учетом оценки их разумных пределов [7]. Правовые позиции вышестоящих судебных инстанций были восприняты судами весьма неоднозначно, в связи с чем в судебной практике достаточно долгое время одновременно существовали два противоположных и противоречащих друг другу подхода:

— в соответствии с первым, если в соглашении, заключенном адвокатом, содержалось условие о вознаграждении, зависящем от успеха оказываемой им юридической помощи, то оно признавалось судами недействительным;

— согласно второму, выплата так называемого «гонорара успеха», т.е. своего рода «премирования» адвоката

за положительный результат, допускалась, поскольку прямого запрета в гражданском законодательстве на включение в договор о возмездном оказании услуг дополнительного вознаграждения не имеется; само условие о выплате такого вознаграждения не связывалось сторонами с принятием судом конкретного решения, а определялось как процент от суммы, взысканной с проигравшей стороны по делу.

Одним из определяющих моментов в разрешении данного вопроса многие эксперты называют Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2015 г. по делу № А60–11353/2013, в котором указывалось, что дополнительная плата за положительный итог рассмотрения дела по существу является вознаграждением, уплачиваемым за уже оказанные и оплаченные услуги и только в случае, если они привели к отказу в удовлетворении иска, то есть признаются своего рода премированием адвокатов [8]. Кроме того Верховный Суд РФ уточнил, что сумма указанной премии зависит от достигнутого сторонами договора оказания юридических услуг соглашения, и она не может быть взыскана в качестве судебных расходов с процессуального оппонента клиента, который стороной указанного соглашения не является.

Позднее, после долгих дискуссий и оживленных споров, вопрос о возможности использования адвокатом условия о «гонораре успеха» наконец-то обрел правовую определенность: в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ» были внесены подготовленные изменения. Кроме того, пункт 3 статьи 16 «Кодекса профессиональной этики адвоката» также был изложен в новой редакции (с изменениями и дополнениями, внесенными решением X Всероссийского съезда адвокатов от 15.04.2021 г.): «Адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении» [3].

Между тем, стоит обратить внимание, что сравнительно новый для отечественной юриспруденции в правовом смысле механизм, известный как «гонорар успеха», имеет давнюю историю в мировой практике. Так, он официально разрешен во множестве государств: Австралии, Бразилии, Канаде, Доминиканской Республике, Франции, Греции, Ирландии, Японии, Новой Зеландии, Великобритании и США. С учетом некоторых особенностей он применяется в Германии, Италии, Испании, Южной Корее и других странах. Анализируя зарубежный опыт, можно выделить три основные формы реализации условия о «гонораре успеха»:

— собственно «гонорар успеха» (англ. «Success fee» или лат. «Pactum de quota litis»): соглашение между адво-

катом и его клиентом, заключенное до окончательного разрешения дела, стороной в котором выступает клиент, и в соответствии с которым клиент обязуется выплатить адвокату долю от выигранного им по делу, вне зависимости от того, будет ли такой выигрыш получен в денежном выражении или в виде иных льгот (выгод), полученных клиентом по завершении дела;

— «вероятный гонорар» (англ. «Contingency fee»): гонорар за услуги адвоката, который выплачивается только в случае успешного разрешения дела или заключения мирового соглашения с выгодой для клиента и обычно составляет процентную долю от суммы, которую адвокату удалось получить или согласовать от имени клиента;

— «условный гонорар» (англ. «Conditional fee»): заранее прописанная сторонами в контракте на оказание услуг форма дополнительного вознаграждения, выплачиваемого адвокату помимо заранее согласованного гонорара за услуги в случае успешного для клиента разрешения дела, включая гонорар под условием «нет выигрыша, нет оплаты» (англ. «No win, no pay»), когда адвокат получает оплату своих услуг и компенсацию понесенных расходов только в случае выигрыша дела [15].

Следует отметить, что в странах общего права (англосаксонская система) наиболее распространены такая форма, как «условный гонорар»; в США чаще применяется «вероятный гонорар»; в Австралии допускается выплата дополнительного гонорара адвокату в случае достижения положительного исхода дела для истца, который не должен превышать 25% от закрепленной соглашением суммы обычного гонорара. Практика применения «гонорара успеха» в странах континентального права (романо-германская система) имеет ряд ограничений: так, в Германии применяются «условные гонорары», но с ограничениями по перечню случаев [15].

Давно ожидаемые нововведения, произошедшие в российском законодательстве и закрепившие возможность включения условия о «гонораре успеха» в соглашение об оказании юридической помощи по гражданским делам, в целом были позитивно восприняты адвокатским сообществом. Например, являвшийся ранее президентом Федеральной палаты адвокатов РФ Ю. Пилипенко еще в 2019 году отмечал, что таким образом «... создается больше экономических возможностей и для адвоката, и для его доверителя, расширяется вариативность этих отношений. Когда адвокат оказывает помощь на условиях «гонорара успеха», он своим трудом финансирует судебный процесс» [17]. Вице-президент ФПА РФ М. Толчеев разъясняя будущие поправки в Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре, указывал, что возможность поставить размер вознаграждения за юридическую помощь в зависимость от результата рассмотрения дела судом оправдана: «С экономической точки зрения, финансирование процесса частично ложится на адвоката: его работа по делу бесплатна для доверителя в той части, оплата которой представляет собой «гонорар успеха». А с юридической точки зрения, на адвоката ло-

жаты все риски, связанные с его рекомендациями и его работой по делу» [15].

Несмотря на то, что в правовом смысле категория «гонорар успеха» еще только недавно стала обретать правовую форму и пока находится в стадии развития, некоторые специалисты полагают, что это позволит не только защититься от заявлений о ничтожности таких соглашений, но и более эффективно учесть интересы доверителей, обеспечить баланс интересов сторон. Отдельные эксперты уверены, что в будущем легализация использования «гонорара успеха» может быть распространена и на иные виды судебных разбирательств, а также на лиц без статуса адвоката, оказывающих юридические услуги.

Тем не менее, в юридической науке пока не сложилось единой точки зрения относительно целесообразности условия о «гонораре успеха», а юристы-практики выделяют целый ряд сложностей, возникающих в ходе применения новых положений закона. Например, Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев полагал, что если вознаграждение юриста ставить в зависимость от успешного исхода дела, то адвокат будет стремиться выиграть дело, при этом «любой ценой», используя и неправомерные способы [11]. С позиции Д. Н. Азарова, обусловленность размера вознаграждения юриста от положительного результата может привести к злоупотреблению со стороны доверителя, выражающаяся в отказе оплаты проделанной работы, поскольку дело не было разрешено в его пользу [12]. Г. П. Чернышев, напротив, считает, что адвокат, получающий дополнительное вознаграждение за положительный результат, будет мотивирован оказывать юридическую помощь как можно качественнее. К тому же «гонорар успеха» может рассматриваться как гарантия доступности правосудия [16]. Е. Г. Багреева, С. В. Петухов указывают, что дискуссионным остается вопрос о том, к какому критерию судебных расходов отнести «гонорар успеха» [13]. Характеризуя правовую природу данного условия соглашения, А. И. Бычков утверждает, что оплату таких услуг следует признавать в качестве судебных издержек [14].

Отдельные практикующие юристы обращают внимание на то, что использование условия о «гонораре успеха» несет определенные финансовые риски, а решение о целесообразности такого пункта соглашения должно приниматься в каждом конкретном случае. Так, к. ю. н., старший юрист практики разрешения споров CMS Russia И. Соколов объясняет, что крупная юридическая компания объективно не может широко применять «гонорар успеха» по причине значительных фиксированных затрат [18]. Другие и вовсе опасаются излишне расширительного оценочного толкования разумности и рыночного уровня «гонора успеха» со стороны уполномоченных органов, что может потенциально повлечь наступление для адвоката установленной законом ответственности.

Существенной практической проблемой по-прежнему остается невозможность взыскания «гонорара успеха» в качестве судебных издержек. Так, 17.11.2022 г. Вер-

ховный Суд в Определении № 305-ЭС22-10035 по делу № А40-21242/2021 о взыскании судебных расходов общества на оплату услуг представителя напомнил о невозможности взыскания в составе таких расходов «гонорара успеха»: вознаграждение, выплата которого обусловлена исключительно положительным для заказчика исходом судебного разбирательства, не включается в судебные расходы заказчика и не может быть отнесено на процессуального оппонента по правилам ст. 110 АПК РФ [9]. При этом вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Е. Авакян с сожалением констатировала, что позиция Верховного Суда не смягчилась по отношению к вопросу о взыскании «гонорара успеха» в качестве судебных расходов: «Адвокатура рассчитывала на то, что появление этой нормы в Законе об адвокатуре несколько изменит направленность или хотя бы риторику судебных органов. Однако позиция эта была достаточно ожидаемой, поэтому п. 9 Порядка работы с «гонораром успеха» как раз говорит о том, что при заключении соглашения, предусматривающего выплату вознаграждения в виде «гонорара успеха», доверитель должен быть уведомлен о том, что существует вероятность того, что этот гонорар не будет взыскан в качестве судебных расходов... Действительно, «гонорар успеха» — вопрос свободы договора. Безусловно, в данном случае его полное перенесение на другую сторону несколько нарушало бы баланс интересов сторон судебного процесса». По мнению вице-президента ФПА, наиболее сомнительным представляется подход о том, что работа адвоката не так ценна в процессе принятия решения, как работа судьи. «Это, конечно, можно считать позицией судебной системы, но, как показывает практика, в одних и тех же условиях, но с разными участниками, при одних и тех же фактических обстоятельствах с разными участниками «рабочей группы» могут выноситься совершенно разные решения... Утверждение о том, что само по себе судебное решение выносится независимо от того, кто является представителем, представляется более чем несправедливым по отношению ко всему, что сегодня происходит в юридической практике» [19].

Еще одна проблема связана с тем, что правила о «гонораре успеха» формально пока закреплены только в профильном нормативном акте, регулирующем деятельность адвокатов. Конечно, это не означает, что на практике лица, оказывающие юридические услуги на профессиональной основе без статуса «адвоката», не применяют данное условие, но имеющаяся правовая неопределенность порождает ряд сложностей, прежде всего, связанных с его судебной защитой. В профессиональном сообществе сложилось мнение, что новая норма о «гонораре успеха» в будущем еще должна стать предметом оценки Конституционного Суда РФ, в результате чего юристы, не обладающие статусом адвоката, также должны получить четко закрепленное право на включение условия о «гонораре успеха» в заключаемые ими соглашения.

Большинство адвокатов и практикующих юристов без статуса адвоката считают механизм «гонорара

успеха» весьма перспективным инструментом, одновременно отмечая, что правовое регулирование в данной сфере нуждается в дальнейшем развитии, поскольку формирующаяся правоприменительная практика все еще неоднозначна. При этом ряд специалистов полагает, что в дальнейшем также должен сформироваться единый подход, согласно которому будет допускаться возможность взыскания «гонорара успеха» с проигравшей стороны — с учетом принципов разумности и справедливости.

Итак, проанализировав особенности правового регулирования и имеющийся опыт применения условия о «гонораре успеха» в соглашениях о юридической помощи, оказываемой адвокатами по гражданским делам, можно сделать вывод, что предпринятые российским законодателем меры по установлению нормативной определенности в данной сфере общественных отношений, были

объективно необходимы и имеют в целом положительный результат. Однако, поскольку долгое время национальная юридическая практика складывалась в отсутствие четкой регламентации порядка использования данного инструмента, она по-прежнему продолжает оставаться достаточно противоречивой.

На основании всего вышеизложенного, можно предположить, что в отечественной юриспруденции еще должен сформироваться единый комплексный научно-обоснованный подход к проблематике «гонорара успеха», учитывающий современные тенденции правоприменительной деятельности, и сложиться положительная судебная практика. Кроме того, думается, что продолжится процесс реформирования законодательства в целях более эффективного использования данного инструмента для повышения доступности профессиональной юридической помощи, оказываемой адвокатами.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102; 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4818.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 02.12.2019 № 400-ФЗ [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912020058>
3. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>
4. «Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи» (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 02.04.2020, Протокол № 12) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-inclusion-in-the-agreement-between-the-lawyer-and-the-principal-terms-of-remuneration-dependin/>
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности и гражданина В.В. Макеева» // СЗ РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 828.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 1999. – № 11.
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» [Электронный ресурс]. СПС «Консультант-Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74035/15232c4ed88eb3022f07ab84346ce62c6dcb/
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2015 г. № 309-ЭС14-3167 по делу № А60-11353/2013 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации – Режим доступа: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=1236914
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.11.2022 г. № 305-ЭС22-10035 по делу № А40-21242/2021 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации – Режим доступа: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=2181530
10. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. СПС «Консультант-Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65713/bafa53c32e85bbfeb93b0571726d0b916f70832/

11. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. СПС «Консультант-Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65713/e423ad115d24d4fa47fe261db8b30838dd664140/
12. Азаров, Д. Н. К вопросу о гонораре успеха/Д. Н. Азаров // Бизнес в законе. — 2009. — № 4. — с. 211-212.
13. Багреева, Е. Г., Петухов, С. В. «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа/Е. Г. Багреева, С. В. Петухов // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 6 (43). — с. 23-25.
14. Бычков, А. И. Заметки о судебных расходах/А. И. Бычков // газета «эж-Юрист». — 2017. — № 19.
15. Ключевская, Н. «Гонор успеха»: от зарубежного опыта к отечественному/Н. Ключевская // Информационно-правовой портал «Гарант. ру». — Электрон. текстовые данные. — 26.02.2020 г. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1329251/>
16. Чернышев, Г. П. О «Гонораре успеха» (об условных гонорарах)/Г. П. Чернышев // Закон. — 2007. — № 12. — с. 55-58.
17. «Гонорар успеха» не для всех [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — Электрон. текстовые данные. — 21.11.2019 г. – Режим доступа: <https://fparf.ru/news/media/gonogor-uspekha-ne-dlya-vsekh/>
18. Гонорар успеха: плюсы, минусы и перспективы законодательство [Электронный ресурс]: Официальный сайт Палаты адвокатов Самарской области. — Электрон. текстовые данные. — 15.06.2021 г. – Режим доступа: <https://raso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/gonogor-uspekha-plyusy-i-minusy-i-perspektivy.html>
19. ВС РФ: «Гонорар успеха» не входит в судебные расходы и не возмещается процессуальным оппонентом [Электронный ресурс]: Адвокатская газета. — Электрон. текстовые данные. — 22.11.2022 г. — Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-gonogor-uspekha-ne-vkhodit-v-sudebnye-raskhody-i-ne-vozmeshchaetsya-protsessualnym-opponentom/>

Правовой статус и полномочия транспортного прокурора и его роль в осуществлении надзора за деятельностью таможенных органов

Бегина Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Транспортная прокуратура, в силу узкой специфической направленности надзора за соблюдением таможенного законодательства, играет важную роль в обеспечении надлежащего режима законности в одной из ключевых зон ответственности государства — целостности и безопасности государственных границ.

Прокурорский надзор за деятельностью таможенных органов представляет собой отдельное направление надзора, отличающееся спецификой законодательного регулирования и особой важностью предмета надзора, поскольку соблюдение законодательства в сфере таможенного регулирования обеспечивает нормальную внешнеэкономическую деятельность участников таможенных правоотношений.

Ключевые слова: специализированные прокуратуры, транспортная прокуратура, прокурорский надзор за деятельностью таможенных органов.

Органы прокуратуры РФ входят в структуру системы государственных органов, реализующих правоохранительную функцию и осуществляющих контроль за соблюдением действующего законодательства. Неотъемлемую часть правоохранительной деятельности в сфере контроля законности и правопорядка в области действия таможенного законодательства реализует прокурорский надзор [2, с. 199].

Будучи единой централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением требований законодательства, а также соблюдением прав и свобод человека и гражданина, Прокуратура РФ занимает особое место в системе органов государственной власти [1, с. 68].

Одним из структурных элементов системы прокуратуры РФ выступают специализированные прокуратуры, имеющие более узкую направленность надзора в рамках одной отрасли законодательства, обладающей повышенной степенью важности для общества и государства. К ним относятся прокуратуры: природоохранная, военная, транспортная и прокуратура по надзору на особо режимных объектах, по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний и т. д.

Именно в ведении специализированных транспортных прокуратур находится надзор за соблюдением законодательства таможенными органами, в том числе в части со-

блюдения уголовного и уголовно-процессуального законодательства субъектами таможенных правоотношений.

Структуру транспортных прокуратур составляет система из трех звеньев, в числе которых:

1. Районные транспортные прокуратуры;
2. Региональные транспортные прокуратуры (приравненные к прокуратурам субъекта);
3. Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере (функционирует в составе Генеральной прокуратуры РФ).

Полномочия транспортного прокурора имеют определенную специфику, не смотря на единый для всей системы органов прокуратуры нормативный источник правового регулирования положения прокурорских сотрудников — Федеральный закон «О прокуратуре РФ».

Так, среди основных полномочий транспортных прокуратур можно выделить:

— надзор за исполнением федерального законодательства о безопасности полетов и авиационной безопасности, безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта;

— организация и осуществление надзора, а также поддержание государственного обвинения по категориям уголовных дел, совершенных на транспорте и прилежащей территории, а также о преступлениях, совершенных должностными лицами органов внутренних дел на транспорте, органов исполнительной власти и таможенных органов;

— рассмотрение жалоб и обращений граждан на должностных лиц таможенных служб, несоблюдение таможенных процедур и проч.;

— осуществление надзора за исполнением законов таможенными органами, участниками внешнеэкономической деятельности, иными лицами и органами, соблюдением прав юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность в таможенной сфере;

— надзор за соблюдением законодательства о коррупции в органах внутренних дел на транспорте, таможенных службах, подразделениях органов исполнительной власти на транспорте на поднадзорной территории;

— участие в гражданских и арбитражных судебных заседаниях в пределах компетенции;

— надзор за осуществлением оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте и таможенных органов, уголовно-процессуальной деятельностью следственных отделов Следственного комитета РФ на транспорте, линейных отделов и управлений внутренних дел на транспорте, таможен;

— осуществление взаимодействия со СМИ в части разъяснения законодательства по направлениям надзора и опубликования результатов прокурорского надзора;

— надзор за исполнением положений закона об административных правонарушениях.

Территориальная дислокация специализированных прокуратур осуществляется по числу федеральных округов, в каждом из которых функционирует, в том числе, транспортная прокуратура.

Структурные изменения органов прокуратуры РФ, произошедшие в 2007 году в связи с исключением Следственного комитета из состава органов прокуратуры, повлекли необходимость в принятии мер по оптимизации деятельности и разграничению полномочий специализированных прокуратур [3, с. 31], что повлекло издание Генеральной прокуратурой РФ Приказа от 07 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур».

С изданием настоящего приказа круг закрепленных за транспортным прокурором обязанностей возрос за счет включения в число его полномочий следующих направлений надзора:

— надзор за соответствием законам правовых актов, издаваемых подразделениями СК РФ на транспорте;

— обеспечение надзора за исполнением законодательства о сохранности федеральной собственности, закрепленной за таможенной;

— надзор за соблюдением законодательства, регламентирующего проведение таможенных процедур.

Правовой статус транспортного прокурора, обусловлен общими основополагающими принципами функционирования прокуратуры РФ в механизме государства и основывается единстве нормативно-правовой базы для всех структурных подразделений прокуратуры, прав и обязанностей, системы подчиненности, задач и компетенции, а также присущей спецификой направленности надзора.

Правовое положение сотрудника транспортной прокуратуры устанавливается Приказом Генпрокуратуры РФ от 18 апреля 2008 г. № 70 «О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры РФ» и предусматривает условия, в равной степени действующие в отношении для всех прокурорских сотрудников.

В целях реализации принципа независимости и исключения вмешательства в деятельность прокуратуры, прокурорскому сотруднику присваивается статус специального субъекта, влекущий особую процедуру привлечения сотрудника прокуратуры к административной и уголовной ответственности, а также проведения в отношении последнего проверки сообщения о факте совершенного им правонарушения.

Среди мер, отличающих правовой статус прокурорского сотрудника, можно выделить следующие. Так, ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ» устанавливает исключительную компетенцию органов прокуратуры проводить проверку о факте совершения прокурорским сотрудником нарушения. Положениями данной статьи также устанавливается запрет на совершение в отношении прокурорского

сотрудника такого следственного действия, как досмотр (как личный, так и в отношении его вещей и транспорта), а также запрет на задержание и осуществление привода. Отдельно разрешительная процедура и специальные изъятия в целях проведения следственных действий и мер процессуального принуждения в отношении прокурорского сотрудника, содержатся в вышеуказанном приказе.

Специальный правовой статус сотрудника прокуратуры также предусматривается положениями п. 6 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, устанавливающей особый порядок производства по уголовным делам в отношении прокурора. Изъятиям, применимым в связи наличием у лица специального статуса посвящена глава 52 УПК РФ. Они касаются порядка возбуждения уголовного дела, особенностей избрания меры пресечения и проведения следственных действий в отношении, в том числе прокурорских сотрудников.

Роль транспортного прокурора в осуществлении надзора за соблюдением таможенного законодательства сложно переоценить, поскольку в сферу его введения входят не только вопросы юридического направления, но и особенности технического и экономического характера. Вместе с тем, поскольку от надлежащего уровня осуществления надзора по рассматриваемому направлению

зависит одна из важнейших зон ответственности государства — целостность и безопасность государственных границ, что обеспечивается силами поднадзорных транспортному прокурору органов, целесообразно говорить о ведущей роли транспортных прокуратур в обеспечении экономической безопасности, а также надлежащего режима законности при осуществлении таможенных процедур.

Обобщая вышесказанное, сделаем вывод, что полномочия транспортного прокурора обусловлены спецификой направления надзора и поднадзорных сфер, и требуют от прокурорского сотрудника более глубокого владения предметом своего ведения, нежели прокуратуры общего профиля. Правовой статус сотрудников транспортной прокуратуры во многом совпадает с правовым положением территориальных прокуроров и имеет единую нормативную базу.

Вместе с тем, по результатам написания настоящего параграфа, сформировалось мнение о необходимости более детальной законодательной регламентации особенностей деятельности и полномочий транспортных прокуратур, что может быть реализовано путем включения в состав Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ» отдельной статьи.

Литература:

1. Журавлева, К. А. Правовой статус транспортного прокурора // Инновационная наука. 2021. № 11-2. с. 67-70.
2. Иваненко, К. В. Состояние и правовое регулирование транспортной безопасности в Российской Федерации, роль органов прокуратуры в данной сфере // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). с. 197-201.
3. Смирнов, А. Ф. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверке // Вестник университет им. О. Е. Кутафина, 2019. № 8. с. 26-39.

Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании отношений, возникающих на основании трудового договора

Бондаренко Полина Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье обозначаются тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия посредством сравнения статей Трудового кодекса Российской Федерации, касающихся трудового договора, в редакции по состоянию на 01 января 2008 года и в редакции, действующей в настоящее время. Также уделено внимание методу правового регулирования отношений, возникающих на основании трудового договора.

Ключевые слова: трудовое право, трудовой договор, частноправовой метод правового регулирования, публично-правовой метод правового регулирования, тенденции правового регулирования.

Трудовому праву присуще сочетание публично-правового и частноправового методов правового регулирования. Государство в регулировании трудовых отношений стремится достигнуть баланса публичных и частных интересов. Работник является слабой стороной трудовых от-

ношений, так как экономически зависит от работодателя, не обладает такими же ресурсами, а потому нуждается в защите государства от возможного произвола работодателя. Государство заинтересовано в том, чтобы работники получали заработную плату не ниже установленного ми-

нимума, работали в безопасных условиях и т. д., в то время как работодатели зачастую принимают решения с точки зрения экономической выгоды.

Т.И. Штринева отмечает, что «несовпадение экономических интересов работника и работодателя требует вмешательства третьей силы — государства с соответствующим механизмом регулирования. Государство выступает в роли уравнивающей силы, соблюдающей интересы обеих сторон» [6, с. 18]. Однако в реалиях рыночной экономики необходима диспозитивность, позволяющая сторонам трудовых отношений самостоятельно определять условия трудового договора. Стороны свободны в выборе условий, не связанных с публичным интересом государства. В то же время при договорном регулировании не допускается ухудшение положения работника по сравнению с установленным трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями. Поэтому возникает проблема определения пределов возможной свободы сторон в трудовых отношениях без угрозы ущемления прав и интересов работника.

Обозначить тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия позволит сравнение редакции Трудового кодекса РФ по состоянию на 01 января 2008 года [2] (далее — редакция ТК РФ 2008 г.) и редакции Трудового кодекса РФ по состоянию на 20 августа 2023 года [1] (далее — редакция ТК РФ 2023 г.). В ходе сравнения данных редакций можно проследить, как менялись некоторые положения, касающиеся трудового договора; отметить, усилился контроль государства в этой сфере или, напротив, ослаб. Исходя из выявленной тенденции, предположим, по какому пути идет законодатель — пути большей диспозитивности, императивности или, несмотря на вносимые изменения, регулирование в целом останется прежним.

В первую очередь стоит отметить изменения, которые затронули формулировку понятия «трудовой договор», изложенную в ст. 56 ТК РФ. Так, в редакции ТК РФ 2008 г. отсутствовало уточнение, что трудовую функцию работник выполняет в интересах, под управлением и контролем работодателя. Новая формулировка, изложенная в редакции ТК РФ 2023 г., подчеркивает зависимость работника от работодателя, экономическую несамостоятельность работника. Уже в первой статье, посвященной трудовому договору, устанавливается неравенство сторон, при чем устанавливается императивно государством.

В ст. 57 редакции ТК РФ 2008 г. в перечне обязательных для включения в трудовой договор условий отсутствуют условия труда на рабочем месте, однако обязательным является условие о компенсации за тяжелую работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте. Согласно п. 1.4 действующего на тот момент Постановления Минтруда РФ от 14.03.1997 N 12 «О проведении аттестации рабочих мест по условиям труда» [5] (далее — Постановление Минтруда РФ от 14.03.1997

N 12) результаты аттестации рабочих мест по условиям труда, проведенной в соответствии с данным Положением, используются в целях включения в трудовой договор (контракт) условий труда работников, ознакомления работающих с условиями труда на рабочих местах. В Постановлении Минтруда РФ от 14.03.1997 N 12 не было нормы, обязывающей работодателя ознакомить работников с результатами аттестации рабочих мест по условиям труда, соответствующая норма также отсутствовала в редакции ТК РФ 2008 г. В конце 2013 г. принят Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 N 426-ФЗ [4], в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 4 которого работодатель обязан ознакомить в письменной форме работника с результатами проведения специальной оценки условий труда на его рабочем месте. Кроме того, ст. 57 редакции ТК РФ 2023 г. закреплена обязанность включения в трудовой договор условий труда на рабочем месте. Представляется, что данное решение законодателя вполне разумно, так как при отсутствии обязанности включения в трудовой договор условий труда на рабочем месте возникает опасность злоупотребления со стороны работодателя. Работник должен быть осведомлен об условиях труда еще до заключения трудового договора, чтобы решить, согласен ли он работать в таких условиях, а также понимать, какие гарантии и компенсации ему положены. В случае необязательности данного условия работник в силу недостаточных знаний норм трудового законодательства рискует быть ущемленным в правах. За отсутствие условий труда на рабочем месте в трудовом договоре ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] предусмотрена административная ответственность. Данное положение имеет, в частности, превентивный характер и направлено на предотвращение возможных нарушений трудового законодательства со стороны работодателя, который может использовать неосведомленность работника в своих целях.

Еще одно изменение затронуло ст. 64 ТК РФ, которая посвящена гарантиям при заключении трудового договора. В обеих редакциях по письменному требованию работника работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме. Однако в редакции ТК РФ 2008 г. не установлен срок для предоставления ответа. Работодатель не был ограничен временными рамками, срок работодатель определял по своему усмотрению. Позднее норма была дополнена условием, что работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления письменного требования работником. Полагаем, что ст. 64 ТК РФ была изменена в интересах работника, так как без установления срока для ответа реализация права работника знать причину отказа была затруднена.

Изменения, связанные с вышеприведенными нормами, являются примерами более детальной регламентации трудовых отношений со стороны государства. Но есть и нововведения, которые, напротив, дают сторонам больше свободы.

Например, согласно ст. 68 редакции ТК РФ 2023 г. работодатель вправе издать приказ или распоряжение о приеме на работу, в то время как в соответствии с этой же статьей редакции ТК РФ 2008 г. работодатель обязан издать приказ о приеме на работу. Наличие или отсутствие приказа не затрагивает права работника, так как достаточным основанием возникновения трудовых отношений в соответствии со ст. 16 ТК РФ является трудовой договор. Представляется, в связи с этим работодателю дана возможность самостоятельно определять необходимость данного локального нормативного акта.

Трудовые отношения основываются на сочетании, с одной стороны, равенства, с другой — подчинения работника хозяйской власти работодателя. Проанализировав некоторые изменения, затронувшие нормы о трудовом договоре, можно прийти к выводу, что в трудовом праве такая же свобода договорных отношений, как в гражданском, невозможна. В случае отсутствия императивных

правил права работников будут нарушаться работодателями. Поэтому предполагаем, что, несмотря на нововведения, касающиеся трудового договора, соотношение частноправовых и публично-правовых методов регулирования трудовых отношений останется прежним. Работодателям может быть предоставлена большая свобода в части организации трудовой деятельности, документооборота, однако нормы, затрагивающие права и интересы работника, останутся императивными. В части прав и интересов работника недопустимо усмотрение работодателя, поскольку он, как более сильная сторона, будет ставить на первый план собственные интересы, которые зачастую не совпадают с интересами работника. Не исключено, что нормы, касающиеся прав и интересов работника, ждет более детальная регламентация, если есть пробелы, вследствие которых имеются нарушения со стороны работодателя. Примером тому служит, в частности, дополненная ст. 64 ТК РФ.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — 208 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2013 (дата обращения: 20.08.2023).
5. Постановление Минтруда РФ от 14.03.1997 № 12 «О проведении аттестации рабочих мест по условиям труда» // Бюллетень Минтруда РФ. № 5. 1997.
6. Штринева, Т. И. Современные принципы трудового права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук/Т. И. Штринева. — СПб., 2001. — 25 с.

Зарубежный опыт привлечения к ответственности за нарушения налогового законодательства

Вахрушева Алёна Сергеевна, студент магистратуры
Омский филиал Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

В статье автор анализирует зарубежный опыт привлечения к ответственности за нарушения налогового законодательства.

Акцент сделан на анализ источников квалификации налоговых преступлений, отделения правонарушений от преступлений, исследованию тех форм налоговых преступлений в зарубежном законодательстве, которые на данный момент не нашли отражение в законодательстве российском.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, налоговое преступление, квалификация преступлений в налоговой сфере, ответственность, санкции.

Построение правового регулирования ответственности в области нарушений налогового законодательства зарубежных государств различается своим подходом. Однако можно выделить подход, который имеет широкое распространение. Этот подход можно обозначить как выведение составов преступлений в области на-

логового законодательства за рамки кодифицированного акта уголовного закона.

Например, в США соответствующее регулирование закреплено на федеральном уровне в Кодексе внутренних доходов, в Великобритании — в отдельных законодательных актах (включая те, которые регламентируют по-

рядок взимания отдельных налогов), в Германии — в Положении о налогах и платежах, во Франции — в Общем налоговом кодексе [1, с. 73].

Например, британское налоговое законодательство не систематизировано, его источниками являются как акты налогового права, так и акты общего права, финансовые законы могут также предусматривать положения о совершении налоговых правонарушений. Однако, необходимо отметить, что британское законодательство формального разграничения между проступками (мисдиминор) и преступлениями (фелония) не делает. Эти различия были отменены еще в 1967 году.

Учитывая признаваемую несистемность, правонарушения в области налогообложения в британском законодательстве можно разделить на:

1. Умышленные либо совершенные по небрежности деяния, результатом которых является введение налоговых органов в заблуждение. Например, неверные налоговые декларации и их представление в налоговый орган, представление недостоверных счетов в связи с исполнением обязанности на уплате налогов, представление недостоверной информации, налоговой декларации или заявления в связи с рассмотрением иска об уплате налогов.

2. Мошеннические действия, которые заключаются в предоставлении ложной информации и нацелены на получение налоговой льготы.

3. Действия, направленные на уклонение от уплаты таможенной пошлины. Например, незаконный импорт, экспорт. Неверное заполнение таможенной декларации и др.

4. Мошеннические действия, которые заключаются в незаконном изготовлении гербовых марок, предназначавшихся для налоговых органов, либо их подделка, а также умышленное оказание помощи в таких правонарушениях, как продажа фальшивых гербовых марок.

Важно отметить, что британское законодательство определяет совершение налогового правонарушения как посредством действия, так и посредством бездействия. Главное, что необходимо учитывать: практика привлечения за бездействие гласит, что это возможно только при условии прямого указания в законе. Кроме того, возможно привлечение к ответственности за содействие в уклонении от уплаты налогов, и планируется ввести ответственность за то, что имелась возможность предотвратить содействие в уклонении от уплаты налогов, но эта возможность не была реализована [4, с. 285].

Это значит, что привлечь к ответственности можно юристов, бухгалтеров, консультантов и т.п. и область, где эта ответственность может возникнуть планируется к расширению, в том числе за счет еще одного прямого указания на бездействие как нарушение налогового законодательства, которое влечет за собой финансовый ущерб государству. Подобное расширение зоны ответственности ужесточает в целом налоговое законодательство, но в большей мере защищает интересы государства.

Германское законодательство ответственность за большую часть налоговых преступлений закрепляет в так называемом отраслевом законодательном акте. Уголовный кодекс ФРГ регламентирует только ответственность за подделку знаков уплаты пошлины и разглашение налоговой тайны. Такие правонарушения являются преступлением.

Законодательство ФРГ отождествляет налоговое преступление и таможенное преступление. Это означает, что к налоговым преступлениям будет отнесено нарушение таможенных правил, контрабанда. Равно как и уклонение от уплаты налогов, а также укрывательство лица, которым было совершено одно из противоправных деяний.

Уклонение от уплаты налогов в германском законодательстве определяется перечислением тех способов, с помощью которых уклонение происходит, как-то: умышленное непредоставление сведений, представление недостоверных либо неполных сведений, умышленное неприменение знаков уплаты пошлины либо налоговых штампов, при обязательном условии наступления вредных последствий (занижения размера обязательных платежей, получения неоправданных налоговых преимуществ и пр.) [1, с. 74].

Применение той или иной нормы законодательства грозит налогоплательщику штрафом. Освободиться от ответственности за совершение налогового правонарушения можно, если есть сведения о том, что данные, представленные налогоплательщиками, были неточными или ошибочными. Но о любой неточности или ошибке следует незамедлительно сообщать в налоговый орган, так как после проверки учетных данных и правильности произведенных выплат освобождение от ответственности не предусмотрено [4, с. 285]. Любые уточнения необходимо делать вовремя, как обязывает налоговое законодательство.

В отличие от британского законодательства в США сохранилось традиционное деление в области налоговых правонарушений на преступления и проступки, хотя их определение не всегда является последовательным и различить можно по строгости применяемых санкций. В налоговые преступления традиционно попадает уклонение от уплаты налогов, подача ложных сведений в декларации, пособничество в формировании ложных сведений, несоблюдение обязанности налогового агента и т.п. Также имеет значение и размер неуплаченного налога. В отличие от России в американском законодательстве каждое правонарушение имеет свои собственные элементы и не может быть рассмотрено через общее учение о составе правонарушения [3, с. 144].

Уклонение от уплаты налогов и ответственность за него — это центральная тема всей системы налоговых правонарушений. Кодекс внутренних доходов США в параграфе 7201 указывает: любое лицо, намеренно уклоняющееся от уплаты налогов любым способом, как путем неверной оценки налоговой обязанности, так и путем неуплаты налога, признается виновным в совершении преступ-

пления и подвергается установленному штрафу или лишается свободы, либо применению этих двух санкций одновременно [2]. Сторона обвинения должна доказать факт активного действия, именно деятельную попытку уклонения от налогов, умысел уклониться и соответственно наличие самой налоговой задолженности. Наличие налоговой недоимки является важным элементом для привлечения к ответственности именно за уклонение от налогов, это подтверждает сложившаяся судебная практика [3, с. 147].

Страховой нормой в отношении уклонения от уплаты налогов в американском законодательстве является ответственность за проступок, чья сущность заключается в предоставлении в налоговый орган документов, содержание которых заведомо ложное. Заведомо ложными сведениями расцениваются создание поддельных чеков, счетов-фактур и иных документов, которые создавались для того, чтобы искусственно завысить расходы. Совершение подобного правонарушения может повлечь за собой штраф или лишение свободы на срок не более одного года. Название нормы страховой вытекает из редкости ее самостоятельного применения, государственные органы применяют ее тогда, когда уверены, что доказать уклонение от уплаты налогов будет невозможно.

Важно указать на тот момент, что американское законодательство разделяет активное действие и бездействие, по определению: совершение действия — это преступление, тогда как бездействие, например, неисполнение обязанности по подаче налоговой декларации — это проступок. Хотя финансовый ущерб, наносимый активным действием или бездействием, может быть абсолютно одинаков. Однако, это можно считать непосредственно индивидуализацией наказания и ставкой на соразмерность наказания тяжести содеянного, что положительно отражается на дифференциации налоговой ответственности за совершение правонарушений [3, с. 152].

Составы преступлений, касающихся нарушения налогового законодательства Франции, определены в Общем налоговом кодексе. В указанном налоговом кодексе ответственность устанавливается для правонарушений, которые связаны со всеми видами налогов, а также регистрационными и гербовыми сборами.

Здесь также основной формой преступления является именно неуплата налога, которая имеет несколько видов выражения, например, непредоставление деклараций, обман, сокрытие налогооблагаемой суммы и др. что делает практику французского законодательства схожей с иными западными образцами. Кроме того, французское законодательство позволяет применить уголовную ответственность не только конкретно к налогоплательщику, но и к специалисту, которые составляют бухгалтерский

баланс и прочую документацию на профессиональной основе, что обеспечивает понимание совершаемых действий, а значит и умысел в части сокрытия доходов и соответствующей неуплаты налогов. Санкции, которые определены на нарушение в сфере налогов и сборов во Франции, являются штрафами и лишением свободы, однако, правоприменительная практика предусматривает и дополнительные наказания в виде опубликование приговора в специализированных изданиях, частичное или полное поражение гражданских прав на определенный срок, лишение права на промышленную или коммерческую деятельность и т.п. Это призвано ужесточать санкционный порядок в налоговой сфере [1, с. 76].

Учитывая опыт правовых систем, например, британской, можно обратить внимание на отсутствие разграничения между налоговым правонарушением и налоговым преступлением. Однако в настоящий момент российское право не должно отказываться от подобного разграничения, так как важно оперировать таким понятием как размер неуплаты налога, именно сейчас возникают громкие дела о многомиллионных налоговых неуплатах и совершившие данную неуплату должны ощущать тяжесть наказания, что несомненно будет способствовать погашению образовавшегося долга.

Что касается систематизации, то стоит обратить внимание на то, что, например, во Франции, налоговые правонарушения рассматриваются в едином нормативно-правовом акте, что позволяет избежать противоречий, коллизий в правоприменительной практике.

Опыт зарубежных стран также позволяет выделить такую практику как привлечение к ответственности не только самого налогоплательщика, который не вовремя выполнил налоговое обязательство или выполнил его с нарушениями, но и лицо, которое участвует в процессе исчисления налогового обязательства, например, юристов, консультантов, бухгалтеров, если их действия можно истолковать как содействие в совершении налогового правонарушения. Также хорошей практикой можно считать и внедрение мер ответственности за пассивное участие в правонарушении, то есть при наличии возможности предотвратить налоговое правонарушение или преступление, не воспользоваться ею. Однако, для внедрения подобных предложений необходимо достаточно четко формулировать правовые нормы, чтобы не ужесточить законодательство чрезмерно.

Таким образом, изучая правоприменительную практику зарубежных стран в области ответственности за совершение правонарушений в области налогов и сборов, можно выделить те моменты, которые позволят сделать отечественное законодательство более совершенным и эффективным.

Литература:

1. Батюкова, В.Е. Некоторые вопросы ответственности за налоговые правонарушения в законодательстве зарубежных стран/В.Е. Батюкова // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 4. — с. 73-75.

2. Кодекс Внутренних доходов США. — URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26> (дата обращения: 17.08.2023).
3. Осина, Д.М. Правовое регулирование ответственности за нарушение налогового законодательства в Соединенных Штатах Америки: канд. дисс./Д.М. Осина. — М.: крупном МГИМО, 2020. — 244 с.
4. Пономаренко, Ю.В. Вопросы административной ответственности за совершение налоговых правонарушений/Ю.В. Пономаренко, Ю.И. Чернов // Научный журнал «Эпомен». — 2020. — № 35. — с. 280-287.

Ответственность автомобильного дилера — исполнителя гарантийного ремонта, не являющегося продавцом

Волкова Анастасия Романовна, студент

Научный руководитель: Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Законодательство о защите прав потребителей прямо закрепляет круг субъектов, ответственных за недостатки товара, а также представляет потребителю право выбора субъекта ответственности. Лицами, к которым вправе обратиться покупатель в случае обнаружения в товаре недостатков, являются, в частности: продавец, изготовитель, импортер, уполномоченная организация/уполномоченный индивидуальный предприниматель. И, если с первыми тремя субъектами, как правило, все понятно и однозначно, то с категорией «уполномоченная организация/уполномоченный ИП» на практике возникает ряд трудностей.

В соответствии с преамбулой Закона РФ «О защите прав потребителей» уполномоченная изготовителем (продавцом) организация или уполномоченный изготовителем (продавцом) индивидуальный предприниматель (далее — уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель) — организация, осуществляющая определенную деятельность, или организация, созданная на территории Российской Федерации изготовителем (продавцом), в том числе иностранным изготовителем (иностранном продавцом), выполняющие определенные функции на основании договора с изготовителем (продавцом) и уполномоченные им на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, либо индивидуальный предприниматель, зарегистрированный на территории Российской Федерации, выполняющий определенные функции на основании договора с изготовителем (продавцом), в том числе с иностранным изготовителем (иностранном продавцом), и уполномоченный им на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества [1].

По смыслу приведенной дефиниции для того, чтобы организация могла удовлетворять требования потребителя и отвечать перед последним за качество товара в рамках законодательства о защите прав потребителей, она должна быть уполномочена на такие действия изгото-

вителем или продавцом путем заключения соответствующего соглашения.

На территории РФ осуществляют предпринимательскую деятельность большое количество официальных продавцов (дилеров) различных автомобильных марок. Статус «дилера» такие организации/индивидуальные предприниматели получают на основании соответствующего дилерского соглашения, заключаемого с импортером (дистрибьютером).

Дилерская сеть устроена таким образом, что каждый отдельно существующий субъект предпринимательской деятельности, вступая в правоотношения с импортером, возлагает на себя обязанность по обслуживанию и ремонту автотранспортных средств определенной марки в течение срока службы, вне зависимости от того, являлся ли он продавцом конкретного транспортного средства или нет. Это сделано, в первую очередь, для удобства потребителей, формирования лояльности к марке, доступности сервиса.

Таким образом, обязанность официальных дилеров осуществлять, в том числе, гарантийный ремонт автомобилей закреплена соглашением с импортером. Можно сделать вывод, что, включая такое условие в договор, импортер фактически уполномочил дилера на удовлетворение требований потребителя об устранении недостатков транспортного средства, вне зависимости от того, являлся ли дилер продавцом того или иного автомобиля.

Возникает вопрос, является ли в таком случае официальный дилер уполномоченной организацией по смыслу Закона РФ «О защите прав потребителей»? По формальным признакам — нет, ведь уполномочил дилера на осуществление гарантийного ремонта и технического обслуживания именно импортер, а не изготовитель или продавец, как указано в преамбуле Закона. Подходя к толкованию данной нормы права формально, суды приходили к выводу, что официальный дилер уполномоченной организацией не является, а, значит, правовые последствия, предусмотренные ст. 18, 19 Закона РФ «О защите прав потребителей» для субъектов потребительских

правоотношений (продавца, импортера) в случае нарушения дилером, например, сроков ремонта, не наступают.

Данную проблему затронул в своем Определении от 20 февраля 2018 г. № 14-КП7-31 Верховный Суд Российской Федерации [2]. Отменяя решения нижестоящих судов, Верховный Суд РФ указал, что импортёр, на которого Законом о защите прав потребителей возложена обязанность удовлетворять требования потребителя, установленные статьями 18 и 29 названного Закона, уполномочил официального дилера отвечать за недостатки автомобиля перед покупателем (потребителем) независимо от того, у какого дилера приобретён автомобиль, и дилер с этим согласился. Суд не ссылается, какую правовую конструкцию он использовал при вынесении указанного определения, но оно представляется вполне логичным и справедливым, поскольку явно защищает права экономически слабой стороны и не допускает формального толкования норм в свою пользу субъектами предпринимательской деятельности.

Анализируя Определение Верховного Суда РФ, можно предположить, что в данных правоотношениях официальный дилер выступает не как уполномоченная изготовителем (продавцом) организация по смыслу Закона «О защите прав потребителей», а как третье лицо, на которое должником (импортером) возложена обязанность по исполнению обязательства перед кредитором (потребителем). Имеет место конструкция ст. 313 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]. Указанная конструкция «позволяет должнику исполнить обязательство надлежащим образом, в частности, при отсутствии для этого собственных возможностей» [4].

При этом в рассматриваемом деле потребитель обратился за безвозмездным устранением недостатка к официальному дилеру, а после нарушения последнего срока гарантийного ремонта, предъявил уже непосредственно продавцу отказ от договора купли-продажи и возврат стоимости автотранспортного средства.

Таким образом, формально именно импортер (возложивший исполнение обязательства на официального дилера) как должник нарушил срок безвозмездного устранения недостатка, а затем потребитель обратился к продавцу. «Уполномоченная организация» в смысле преамбулы Закона РФ «О защите прав потребителей» вообще не участвовала в данных правоотношениях.

Еще одной особенностью здесь выступает то, что нарушение сроков одним из участников потребительских правоотношений влечет правовые последствия для остальных участников. Правильнее в данном случае было бы обратиться с требованием именно к импортеру, поскольку именно он возложил обязательство по устранению недостатка на определенное третье лицо.

Другая ситуация возникает, когда потребитель обращается к официальному дилеру, не являющемуся продавцом, с требованием об устранении недостатков товара, а затем, в результате нарушения исполнителем сроков гарантийного ремонта, обращается к нему же с требова-

нием о возврате стоимости автомобиля в связи с отказом от договора купли-продажи.

Если официальный дилер все же не является той самой «уполномоченной организацией» (не заключал соответствующие соглашения ни с изготовителем, ни с продавцом), то тогда он не обязан удовлетворять какие-либо требования потребителей, кроме как требование о производстве гарантийного ремонта (как указывалось выше, это обязательство возложил на него импортер в лице должника по отношению к потребителю).

Суды же считают иначе — разберем данную ситуацию на примере судебного спора. Потребитель обратился к официальному дилеру с требованием о безвозмездном устранении недостатка автотранспортного средства. Дилер автомобиль в ремонт принял, 45-дневный срок ремонта нарушил, в связи с чем потребитель отказался от договора купли-продажи и потребовал возврата стоимости автомобиля. Иск был подан к двум ответчикам — официальному дилеру и импортеру. Вины импортера в нарушении срока ремонта не установлено. Логичным представляется решение, которым требования будут удовлетворены в отношении импортера, так как официальный дилер уполномоченной изготовителем или продавцом организацией не является. Суды четырех инстанций, напротив, возложили ответственность на официального дилера, который продавцом не являлся, посчитав, что он в данных правоотношениях несет ответственность как уполномоченная организация. Суд отметил: «Истец обратился с требованиями к представителю изготовителя купленного автомобиля — ООО «Форд Соллерс Холдинг» и дилеру — ООО «СБСВ-КЛЮЧАВТО М» [5]. Тем самым как бы намекая на то, что поскольку импортер — это представитель изготовителя, то формально изготовитель и уполномочил дилера на удовлетворение требований потребителей.

В то время как в силу закона импортер — организация независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, осуществляющие импорт товара для его последующей реализации на территории Российской Федерации. То есть импортер — это самостоятельный субъект гражданских правоотношений, он действует от своего имени и в своем интересе, не является «представителем» изготовителя. Он лишь отвечает перед потребителем наравне с изготовителем.

О нелогичности такого толкования нормы судами говорит п. 6 ст. 19, где законодатель специально убрал из перечня ответственных лиц продавца, но уполномоченную организацию оставил. То есть даже там, где сам продавец — официальный дилер ответственности не несет, официальный дилер, не являющийся продавцом, по логике судов, нести ответственность должен. Поскольку по той же логике любой официальный дилер — это уполномоченная организация.

Таким образом, на сегодняшний момент указанная проблема не решена, отсутствует единство судебной практики. Целесообразно внести изменения в ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей», дополнив ее положением

о том, что в случае, если потребитель обращается с требованием о безвозмездном устранении недостатка технически сложного товара к третьему лицу, не являющемуся продавцом, то в случае нарушения сроков безвозмезд-

ного устранения недостатков последним, потребитель вправе обратиться с требованием, об отказе от договора купли-продажи или с требованием о замене технически сложного товара к импортеру или изготовителю.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2023).
2. Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № 14-КП7-31 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.07.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023).
4. Мильков, М. А. Об исполнении обязательства третьим лицом/М. А. Мильков. — Текст: непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. — 2008. — № 4. — с. 155-156.
5. Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2021 года по делу № 2-4625/2021 // URL: https://fr№—spb.sudrf.ru/modules.php?№ame=sud_delo&srv_№um=1&№ame_op=case&case_id=671368932&case_uid=b3e93695-70f1-4c05-8bdd-22c2063846a5&delo_id=1540005 (дата обращения: 09.07.2023).

Программирование расследования и криминалистическое мышление

Габдрахманова Айгуль Ринатовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автором обозначено определение понятий «программирование расследования преступлений», «алгоритм», рассматривается значение криминалистического мышления в программировании расследования преступления.

Ключевые слова: программирование расследования преступлений, алгоритм, криминалистическое мышление.

Investigation programming and criminalistic thinking

Gabdrakhmanova Aigul Rinatovna, student master's degree
Saratov State Law Academy

In this article, the author defines the concepts of «programming the investigation of crimes», «algorithm», considers the importance of forensic thinking in the programming of the investigation of a crime.

Keywords: crime investigation programming, algorithm, forensic thinking.

Программирование расследования в криминалистической литературе определяется как «целенаправленная деятельность по систематизации криминалистических алгоритмов и иной необходимой информации в целях эффективного управления следственной ситуацией при расследовании преступлений отдельных групп, видов и разновидностей» [1].

Особенность процесса раскрытия и расследования преступлений обусловлена нормативностью, направленностью на реализацию задач уголовного процесса, а также творческим характером. Совершенно логично, что ученые второй половины двадцатого века попытались создать универсальный метод решения трудных задач. В роли такого метода в криминалистике выступает процесс программирования расследования [2].

Р. С. Белкин отмечал, что «рядовой следователь без обширного профессионального опыта в условиях дефицита времени и экстремальной ситуации не в состоянии воспроизвести в памяти десятки страниц «книжной методики» в качестве оперативного руководства к действиям». В качестве решения ученый предлагал разработку с опорой на существующий научный опыт лаконичных, четких и ясных алгоритмов действий следователя и их вариантов для выбора в зависимости от следственных ситуаций [3].

В свою очередь, алгоритм определяется как раннее установление всех важных закономерностей следственной ситуации. Однако некоторые связи нельзя использовать при алгоритмизации расследования, так как они не всегда могут являться закономерными.

Программирование процесса расследования преступлений позволяет «разгрузить» ресурсы мышления и действовать автоматически, но не существует алгоритма, который можно было бы использовать для проверки истинности или ложности доказательств во всех случаях. Исходя из этого, представляется, что алгоритмизация деятельности приглушает самостоятельность следователя в принятии решений, что может привести к снижению качества расследования.

Безусловно, алгоритмизации деятельности следователя имеет огромное значение для расследования, однако расследование преступлений — это довольно сложный процесс, который трудно поддается долгосрочному планированию. Поэтому необходимо отметить и основополагающую основу расследования — мышление следователя, актуальное предложение о необходимости криминалистического понимания которого было выдвинуто Н. П. Яблоковым [4].

Профессор Н. П. Яблоков криминалистическое мышление следователя определяет как мыслительную систему, основанную на приемах логики, психологии и других наук, позволяющую осуществлять расследование более выверено и рационально, быстро выявлять значимые следы преступления, вещественные доказательства, иную криминалистически важную для дела информацию, контролировать систематически и тщательно ход своих мыслей и действий [5].

Деятельность познающего субъекта является производной от его мышления, тогда как криминалистическое мышление, помимо способности структурировать имеющуюся информацию, позволяет воссоздать и предсказать будущий исход события, определить будущее направление расследования преступления. Также стоит отметить, что криминалистическое мышление помогает предотвратить принятие следователем окончательного процессуального решения на заранее сделанных выводах из-за сложившейся предвзятости.

Считаем, программирование мышления следователя не менее важно, чем программирование его деятельности. «В конечном итоге криминалистика должна учить мыслить определенным образом, или, точнее, система знаний, сосредоточенная в криминалистике, призвана служить

для построения умозаключений, совершения мыслительных операций, необходимых для организации деятельности следователя в сфере познания совершенного преступления» [6].

Структуру мышления следователя необходимо формировать, опираясь на задачи данного процесса. Так, основной задачей является преобразование бессвязной информации в соответствующие требованиям процессуального законодательства доказательства по уголовному делу. По мнению Р. Андерсона структура мышления имеет следующий, по нашему мнению, вполне применимый к деятельности следователя вид [7]:

- 1) на базовом уровне — моральные, ценностные установки, юридическое мировоззрение, рациональное критическое восприятие действительности;
- 2) на уровне восприятия ситуационных состояний расследования — анализ сложившейся следственной ситуации, ситуационное мысленное моделирование, выдвижение следственных версий и их проверка путем определения логических следствий и сопоставления последних с уже выявленными обстоятельствами расследуемого уголовного дела;
- 3) на прикладном уровне криминалистического мышления — механизмы принятия следственных решений, распознавания следственных ошибок, определения необходимых тактических приемов и комплексов, планирования расследования.

Криминалистическое мышление представляет собой сложную систему, изучение которой с позиций только одной области научного знания представляется ограниченным и недостаточным.

Также отметим важность воспитания следователя в процессе обучения профессии, а далее непрерывно в ходе работы, поскольку развитие мыслительной деятельности субъекта расследования и его профессиональное становление являются неотделимыми процессами.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что эффективное программирование процесса расследования преступлений невозможно без понимания механизмов мышления следователя. В связи с этим важно привлечение к изучению этого явления других областей научных знаний.

Литература:

1. Шаталов, А. Криминалистические алгоритмы и программы расследования. М., 2000.
2. Бэкон, Ф. Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы. М., 1978.
3. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы современной криминалистики. М., 2001.
4. Яблоков, Н. П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2014.
5. Яблоков, Н. П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, — 2012.
6. Холопов, А. В. Системное мышление в криминалистике // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016.

7. John, R. Anderson, Jon M. Fincham. Discovering the Sequential Structure of Thought // Cognitive Science, — 2013. — P. 31.

Право на обжалование органом дознания (дознавателем) решений и указаний прокурора при производстве процессуальной проверки и расследовании уголовного дела

Габов Артём Владимирович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор раскрывает вопрос реализации права на обжалование органом дознания и его должностным лицом — дознавателем, процессуальных действий (бездействия) надзирающего прокурора, в том числе, решений, указаний и постановлений.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурор, орган дознания, дознаватель, уголовное дело, процессуальная проверка, обжалование действий, бездействия, прокурора.

Особая роль при осуществлении дознания определена прокуратуре как институту, осуществляющему надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а также осуществляющему уголовное преследование в соответствии с предоставленными законом полномочиями.

Прокурор — это должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

Уральская школа прокурорского надзора дает единое определение прокурорскому надзору за органами, осуществляющими дознание как направление деятельности органов прокуратуры РФ, связанное с обеспечением законности при раскрытии и расследовании преступлений органами дознания, защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечением незамедлительного реагирования на выявление нарушений расследовании указанных преступлений законов, допущенных при расследовании указанных преступлений [3].

Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» было проведено организационное разграничение функций надзора и руководства расследованием преступлений, осуществления предварительного следствия. Произошло значительное сокращение процессуальных полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия, часть из которых была восстановлена позднее Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия».

В 2011 году из системы прокуратуры были выведены следственные подразделения, получившие институциональную самостоятельность в форме образования нового федерального государственного органа — Следственного комитета Российской Федерации, при этом надзор за процессуальной деятельностью органов дознания остался, практически, неизменным.

Ранее прокурор обладал широким кругом надзорных полномочий не только за органами дознания, но и за органами, осуществляющими предварительное следствие. Кроме того, прокурор являлся субъектом, уполномоченным на принятие процессуального решения о возбуждении, приостановлении и прекращении уголовного дела и самостоятельное осуществление производства по делу (расследование уголовного дела).

В настоящее время законом установлен ряд особенностей производства дознания, которое отличает его от предварительного следствия. Законодатель выделил его в самостоятельный институт осуществления уголовного преследования, за которым установил серьезный процессуальный надзор со стороны прокурора.

Генеральный прокурор Российской Федерации в своем приказе от 27.12.2007 № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений преступлениях» ориентирует нижестоящих прокуроров принимать исчерпывающие меры, направленные на устранение нарушений, в том числе, на доступ к правосудию в разумный срок (с постановкой вопроса об ответственности виновных должностных лиц), возмещение причиненного преступлением ущерба, соблюдение закона при производстве экспертных исследований и др.

При этом полномочие по отмене постановления о возбуждении уголовного дела применять только при неправильном применении уголовного, уголовно-процессуального законодательства, выявлении существенных нарушений, влекущих незаконное привлечение лица

к уголовной ответственности либо признание доказательств недопустимыми, а за исполнением указаний, изложенных в постановлении об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо обеспечить неукоснительное их соблюдение.

Несмотря на главенствующую роль прокурора при осуществлении дознания, его процессуальное руководство над дознавателями, законодатель закрепил право начальника органа и подразделения дознания, а также дознавателя обжаловать не все решения прокурора, а лишь решения, указанные в п. 1.2 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, то есть решения о возвращении дела для производства дополнительного дознания, либо пересоставления обвинительного акта (обвинительного постановления), о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Также законодатель закрепил за дознавателем право обжаловать указания прокурора, исполнение которых не приостанавливается (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

По мнению Бескева Х. Б., обжалование указанных решений и указаний — это форма гарантии, позволившая следователю (дознавателю) исключить принуждение должностного лица, непосредственно осуществляющего уголовное преследование, принять незаконное процессуальное решение, вопреки сложившемуся у него внутреннему убеждению, основанному на оценке собранных доказательств и всех обстоятельств уголовного дела [4].

Дознаватель, как участник уголовного судопроизводства, в своей деятельности выполняет публично-значимые функции, связанные с непосредственным осуществлением уголовного преследования, которое выражается, в том числе, в принятии решений о возбуждении уголовного дела, то есть признании государством факта совершенного преступления и начало производства оперативных действий по привлечению к ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, поиске доказательств и лиц, причастных к совершению преступления, избличении виновного лица и др.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации % учебник для вузов — Москва. Издательство Юрайт, 2023-с. 273.
4. Бегиев, Х. Б. Право на обжалование решений прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения процессуальной самостоятельности следователя. Вестник Краснодарского университета МВД России № 3. Краснодар, 2010 г., с. 112.

Остальные же решения и действия прокурора не могут быть обжалованы дознавателем, поскольку последний законом лишен права самостоятельно принимать важные процессуальные решения, находясь в полной процессуальной и ведомственной зависимости от прокурора и начальника органа дознания.

При этом, ст. ст. 19, 123-125 УПК РФ содержат общую норму о право участников уголовного судопроизводства обжаловать любые действия (бездействие) и решения прокурора в установленном порядке.

Дефиницию понятия «участники уголовного судопроизводства» дает п. 58 ст. 5 УПК РФ — лица, принимающие участие в уголовном процессе. Следовательно, уголовно-процессуальный закон определяет субъектами права на обжалование всех лиц, принимающих участие в уголовном процессе, в том числе, дознавателей, а также лиц, не являющихся таковыми, интересы которых затронуты проводимыми процессуальными действиями (бездействием) и решениями.

Исходя из буквального толкования данных статей некоторые ученые считают, что указанная норма подлежит применению и к должностным лицам органа дознания дознавателям, которые являются полноправными участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и выполняют публично-значимые функции.

Другие же ученые полагают, что решения прокурора, которые могут быть обжалованы органом дознания прямо закреплены в законе и носят исчерпывающий перечень, поскольку имеет место быт римский правовой принцип *Las specialis derogat generali* — «Специальный закон отменяет действие общего закона».

Так или иначе, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью является важным направлением деятельности органов прокуратуры, который обеспечивает точное и единообразное применение норм уголовного и уголовно-процессуального права России органами дознаниями при расследовании ими уголовных дел и проведении процессуальных проверок по полученным сообщениям о преступлениях.

Особые экономические зоны в Российской Федерации: финансово-правовое регулирование

Галанов Кирилл Александрович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной научной статье рассматривается финансово-правовое регулирование особых экономических зон в Российской Федерации. В работе внимание уделяется механизмам государственной поддержки и стимулирования инвестиций в ОЭЗ, а также вопросам налогообложения и бухгалтерского учета в рамках ОЭЗ. Анализируется нормативно-правовая база, определяются основные проблемы и перспективы развития особых экономических зон в России. Результаты и выводы исследования могут быть полезны для правительственных органов, бизнеса и научного сообщества, занимающихся вопросами развития экономики и инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

Ключевые слова: особые экономические зоны, предпринимательская деятельность, инвестиционная деятельность, налоговые преференции.

Special economic zones in Russian Federation: financial and legal regulation

Galanov Kirill Alexandrovich, student master's degree
Kazan (Volga region) Federal University

This research paper examines the financial and legal regulation of special economic zones in the Russian Federation. The paper pays attention to the mechanisms of state support and stimulation of investments in SEZ, as well as the issues of taxation and accounting within SEZ. The paper analyses the legal framework, identifies the main problems and prospects of development of special economic zones in Russia. The results and conclusions of the research could be useful for governmental agencies, business and scientific community which deals with development of economy and investment attractiveness of the Russian Federation.

Keywords: special economic zones, entrepreneurial activity, investment activity, tax preferences.

В Российской Федерации существует несколько видов экономических зон, таких как особые экономические зоны (ОЭЗ), технологические парки и индустриальные парки. Особые экономические зоны являются наиболее распространенным видом экономических зон в РФ и имеют свой правовой статус. ОЭЗ создаются на территориях, где ранее не было развитой промышленности или она находится в упадке. Целью создания ОЭЗ является привлечение инвестиций и развитие экономики региона. Для этого на территории ОЭЗ предоставляются налоговые и таможенные льготы, а также инфраструктура для бизнеса. ОЭЗ могут создаваться как на территории одного субъекта РФ, так и на территории нескольких субъектов.

Правовой статус ОЭЗ определяется Федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ. В соответствии с этим законом ОЭЗ создаются на основании решения Правительства РФ и утверждаются президентом РФ. В ОЭЗ действует особый режим налогообложения, который предусматривает освобождение от налога на прибыль, налога на землю и налога на имущество в течение первых пяти лет со дня регистрации юридического лица в ОЭЗ. Также в ОЭЗ действует особый режим таможенного оформления, который предусматривает освобождение от таможенных пошлин и НДС при импорте оборудования и сырья для производства.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы следующие методы.

1) Анализ правовых актов — данная методика позволяет изучить законодательную базу, регулиющую особые экономические зоны в России. Анализ может проводиться как на уровне федеральных законов, так и на уровне нормативных актов, принятых региональными и муниципальными органами власти.

2) Статистический анализ — данный метод позволяет оценить эффективность деятельности особых экономических зон в России, используя различные экономические показатели, такие как объем инвестиций, объем производства, экспорт и т. д.

3) Исторический анализ — путем исследования истории создания и функционирования особых экономических зон в России можно выявить факторы, влияющие на эффективность финансово-правового регулирования и определить оптимальные решения для дальнейшего развития данной сферы.

Результаты

Для стимулирования инвестиций в рамках особых экономических зон в России применяются различные механизмы государственной поддержки, включая:

1) Налоговые льготы. Инвесторам, которые вкладывают средства в особую экономическую зону, предостав-

ляются налоговые льготы, например, освобождение от налога на прибыль или снижение ставок налогов.

2) Административные преференции. Инвесторам предоставляются административные преференции, например, упрощенная процедура получения разрешений на строительство и эксплуатацию объектов.

3) Финансовая поддержка. Инвесторам могут быть предоставлены государственные гранты, субсидии и другие формы финансовой поддержки для реализации инвестиционных проектов.

4) Инфраструктурная поддержка. Государство может осуществлять инвестирование в развитие инфраструктуры в рамках особых экономических зон, например, строительство дорог, аэропортов, портов, коммуникаций и т. д.

5) Упрощенный режим трудоустройства. Для привлечения квалифицированных специалистов в особые экономические зоны может быть установлен упрощенный режим трудоустройства, например, сокращенные сроки оформления рабочих виз и разрешений на работу.

6) Предоставление земельных участков. Инвесторам могут быть предоставлены земельные участки в аренду или на основе совместной долевой собственности для реализации инвестиционных проектов. В целом, механизмы государственной поддержки и стимулирования инвестиций в рамках особых экономических зон направлены на создание благоприятной инвестиционной среды и повышение привлекательности этих зон для инвесторов.

Для бухгалтерского учета в рамках ОЭЗ применяются особые правила. Например, для резидентов ОЭЗ установлены особые порядки учета налоговых льгот и прочих форм государственной поддержки. Также резиденты ОЭЗ могут применять специальные методы оценки имущества и расчета амортизации. Особые правила направлены для повышения эффективности и упрощения ведения бухгалтерского учета, однако бухгалтерский учет в рамках ОЭЗ требует от специалистов высокой квалификации и знания специфики данной области.

Все вышеперечисленные условия созданы правительством в РФ рамках стратегии по увеличению объемов инвестиций и привлечению новых технологий. Правительство РФ активно работает над улучшением инвестиционного климата в стране, что позволяет привлекать иностранные инвестиции. В рамках этой стратегии правительство планирует создать новые экономические зоны и расширить границы уже существующих. Также в планах правительства — развитие инфраструктуры ОЭЗ, что по-

зволяет повысить их привлекательность для инвесторов. Одной из перспективных направлений развития экономических зон является развитие высокотехнологичных отраслей, таких как IT, биотехнологии и нано технологии. В рамках ОЭЗ можно создавать инновационные центры, которые будут заниматься разработкой новых технологий и продуктов. Также экономические зоны могут стать площадками для развития экспорта. Благодаря налоговым льготам и другим формам государственной поддержки, компании, работающие в ОЭЗ, смогут конкурировать на мировых рынках и увеличить объемы экспорта. В целом, экономические зоны имеют большие перспективы для развития экономики РФ. Они позволяют привлекать инвестиции, создавать новые рабочие места и развивать высокотехнологичные отрасли. Правительство РФ продолжит работу по улучшению условий работы в ОЭЗ, что позволит добиться еще больших результатов.

Заключение

Несмотря на всю правовую и финансовую привлекательность, существует и ряд проблем, на которые стоит обратить внимания. Основные проблемы, выявленные в нормативно-правовой базе регулирования особых экономических зон в РФ, включают в себя недостаточную прозрачность процесса создания и функционирования особых экономических зон, что может привести к коррупционным схемам и неэффективному использованию бюджетных средств. Ограниченный перечень отраслей экономики, которые могут развиваться в рамках особых экономических зон, что ограничивает возможности инвесторов и снижает привлекательность этих зон. Неравномерное распределение особых экономических зон по регионам РФ, что может привести к конкуренции между регионами и неравномерному развитию экономики. Наконец, существует проблема недостаточной координации между федеральными и региональными органами власти при создании и функционировании ОЭЗ, это приводит к дублированию функций и неэффективному использованию ресурсов.

В целом, создание особых экономических зон в России имеет большой потенциал для привлечения инвестиций и развития экономики регионов. Налоговые и таможенные льготы, административные и финансовые преференции, инфраструктурная поддержка и упрощенный режим трудоустройства позволяют создавать благоприятную инвестиционную среду. Однако, для эффективного использования особых экономических зон необходимо улучшение правовой базы и решение вышеперечисленных проблем.

Литература:

1. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ.
2. Вранович, Е.В. Инвестиции в особые экономические зоны как механизм привлечения венчурного капитала/Е.В. Вранович. — Текст: непосредственный // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. — 2015. — № 5. — с. 83-91.
3. Голубкин, С.Е. Особые экономические зоны в России: пути совершенствования механизмов функционирования/С.Е. Голубкин. — Текст: непосредственный // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 2. — с. 34-36.

4. Ильина, Е. А. Льготное налогообложение резидентов особой экономической зоны регионального уровня агропромышленного типа/Е. А. Ильина. — Текст: непосредственный // Российское предпринимательство. — 2018. — № 1. — с. 45-52.
5. Чепинога, О. А. Проблемы функционирования и перспективы развития особых экономических зон в России/О. А. Чепинога, М. В. Солодков, А. Э. Семенова. — Текст: непосредственный // Baikal Research Journal. — 2017. — № 3. — с. 1-12.

Некоторые положения защиты прав потребителя в розничной торговле

Головко Даниил Иванович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В современной экономико-правовой действительности вопросы розничной торговли приобретают особую актуальность, часть общества настаивает на исключении «классического» («привычного») варианта торговли и перехода на электронную торговлю, однако многие вопросы и положения юридического плана заставляют покупателей предпочитать «привычный» вариант розничной торговли. Современные реалии свидетельствуют о необходимости усиления административно-правового регулирования деятельности субъектов предпринимательства, осуществляющих дистанционную торговлю, в том числе посредством использования сети «Интернет», а также осуществления контрольных и надзорных полномочий в данной сфере. Благодаря защите прав потребителей, государство помогает с экономической стороны восстановить свою правоту перед непорядочностью продавцов.

Ключевые слова: договор, право, товар, сделка, покупка, права потребителя, договор, закон о защите прав потребителя, цена, Российская Федерация, потребитель, нормативно правовые акты.

Some provisions of consumer protection in retail trade

Golovko Daniil Ivanovich, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

In the modern economic and legal reality, retail trade issues are of particular relevance, part of the society insists on the exclusion of the «classic» («habitual») variant of trade and the transition to electronic commerce, however, many issues and provisions of the legal plan force buyers to prefer the «habitual» retail option. Modern realities indicate the need to strengthen the administrative and legal regulation of the activities of business entities engaged in distance trading, including through the use of the Internet, as well as the exercise of control and supervisory powers in this area. Thanks to the protection of consumer rights, the state helps to restore its rightness in the face of dishonesty of sellers from the economic side.

Keywords: agreement, law, product, transaction, purchase, consumer rights, agreement, consumer rights protection law, price, Russian Federation, consumer, regulatory legal acts.

На сегодняшний день, потребительские правоотношения занимают важное место. Существенным значением обладает защита прав потребителей в розничной торговле, в связи с широким распространением последнее на практике.

Возникающие правоотношения между продавцом и покупателем по поводу розничной купли-продажи регулируются положениями Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и Закона «О защите прав потребителей». Само понятие договора розничной купли-продажи следует из п. 1 ст. 492 ГК РФ.

Целесообразно рассмотреть те положения, которые установлены в ГК РФ и направлены на защиту прав потребителей. Сюда относятся нормы, изложенные в статьях 503-505 ГК РФ. При этом сформулирована позиция, что пе-

речисленные правила применяются, если Закон РФ «О защите прав потребителей» не предусматривает иное. Соответственно, можно говорить о совместном применении установленных норм, взаимосвязанных друг с другом. Во всяком случае, закон исходит из того, что потребитель в правоотношениях, возникающих по поводу розничной купли-продажи, является наименее защищенной стороной.

Следует выделить права, закрепленные в Законе РФ «О защите прав потребителей»

- на безопасность товара, работы или услуги (ст. 7);
- на информацию (ст. 8);
- права в связи с недостатками качества (ст. 18);
- на обмен товара надлежащего качества (ст. 25);
- на устранение последствий нарушения исполнителем сроков (ст. 28);

— права при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) (ст. 29);

— право на отказ от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) (ст. 32).

Из прав потребителей, закрепленных в Законе РФ «О защите прав потребителей», следуют и особенности защиты таких прав. Необходимо отметить, что действующее законодательство предусматривает как судебные, так и внесудебные порядок защиты прав потребителей. Соответственно, о судебной защите прав потребителей следует говорить в случае имущественных споров.

Как правило, защита прав потребителей обладает и профилактической, предупредительной направленностью. Правовое регулирование отношении с участием потребителей имеет определенные особенности. Так, по мнению И. А. Щербович, А. А. Крикуновой, к их числу относятся:

— неразрывная связь публичных и частных начал в потребительских правоотношениях;

— обеспечение защиты прав потребителей в РФ напрямую зависит от норм федерального законодательства, основано на императивных нормах;

— законодательство о защите прав потребителей является самостоятельным блоком и в это же время является элементом, составной частью гражданского законодательства.

С указанной позицией следует в полной мере согласиться, указав, что действительно, законодательство о защите прав потребителей имеет особую структуру и характерные черты, что основано, прежде всего, на такой особенности, как более слабая позиция потребителя в возникающих правоотношениях.

Таким образом, права потребителей по поводу договора розничной купли-продажи вытекают из сущности Закон РФ «О защите прав потребителей». Исходя из которого, выделяются особенности правового регулирования отношений с участием потребителей. Прежде всего, потребитель выступает в качестве слабой стороны в возникающих правоотношениях. Законодательство о правах потребителей включает определенные особенности, тем не менее, оно основано на общих положениях ГК РФ и входит в состав гражданского законодательства.

В действующем законодательстве можно увидеть перечень допустимых способов защиты нарушенных прав потребителей. Данный перечень закреплен в ст. 12 ГК РФ. В структуре Закон РФ «О защите прав потребителей» необходимо отметить следующие статьи:

— ст. 15 — компенсация морального вреда;

— ст. 12-14 — раскрывается возмещение понесенного ущерба;

— ст. 29-31 — компенсация при обнаружении недостатков;

— ст. 28 — компенсация при нарушении сроков выполнения работ, предоставления услуг;

— ст. 16 — признание недействительными условий договора, которые ущемляют права потребителя.

Данные средства вполне применимы в случае нарушения прав потребителя в результате реализации договора розничной купли-продажи. Реализация защиты нарушенных прав может происходить в двух основных формах:

1) Не процессуальная форма (внесудебный порядок). Связана с деятельностью субъектов, наделенных соответствующей административной юрисдикцией (например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и др.). Реализуют полномочия в сфере установленных компетенций. Данные способ защиты прав потребителей во внесудебном порядке тесно связан с наделением уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей. Подразумевается применение соответствующих административно-юрисдикционных полномочий.

2) Процессуальная форма (судебный порядок). В ст. 17 Закон РФ «о защите прав потребителей» определяется, что иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены в суд по выбору истца.

Поскольку наиболее часто покупателем является гражданин, вступающий в отношения для удовлетворения своих личных бытовых нужд, к отношениям по договору розничной купли-продажи с участием покупателя-гражданина, не урегулированным гл. 30 ГК РФ, применяются Закон РФ «О защите прав потребителей» и иные правовые акты, принятые в соответствии с ним. Исследовав более детально статистические данные за III квартал 2022 года обращений потребителей в отделы по защите прав потребителей по всей стране, необходимо отметить, что обращений за данный период более 1,5 млн граждан с заявлениями о защите их прав как потребителей.

По сравнению с 2021 годом, количество обращений остается прежним по соотношению обращений с жалобами на категории данных товаров. Но само количество заявлений о некачественном предоставлении товаров выросло на 5%. Данный показатель говорит, о том, что законодательством о защите прав потребителей активно прорабатывается доведение информации о качестве товара и требованиям к соблюдению условий договоров розничной купли-продажи, а также особенностях договора розничной купли-продажи.

Процессуальная деятельность субъектов гражданского и арбитражного процесса (исходя из субъекта, который обращается за судебной защитой) происходит в рамках гражданского или арбитражного процессуального отношения. На сегодняшний день, судебная защита нарушенных прав и интересов сторон, является весьма важным и действенным направлением. В юридической литературе неоднократно указывалось на необходимость и значимость эффективного функционирования судебной системы.

Таким образом, были обозначены отдельные положения правовой регламентации защиты прав потребителя в розничной торговле и перспективы совершенствования. В частности, следует с одной стороны, усилить

такой аспект как разрешение возникающих споров (в том числе и посредством применения альтернативных процедур), с другой, большее внимание уделить вопросам правового регулирования деятельности предпринимателей, осуществляющих деятельность посредством применения дистанционных технологий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ, 1996. № 5. Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета, 11.07.2012 г. N 156, N 9.
4. Арзамасова, К. В. Договор розничной купли продажи. — М.: Право. — 2018. — 361с.
5. Барабачкова, М. Н. Корнилова Н. В. Дистанционная купля — продажа товаров: актуальные проблемы практики // E-SCIO. 2019. No 10 (37). с. 368-374.
6. Бекбулатов, Д. Р., Лутовинова Н. В., Незнамова А. А., Крюкова Е. М. Суверенитет России: угрозы и вызовы со стороны глобальных корпораций // Закон и власть. 2021. No 1. с. 26-31.
7. Железняков, А. М., Лашенкова Ю. А. К вопросу о внесудебном порядке урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей // Новый университет. 2016. No 0-1 (67). с. 17-19.
8. Крюкова, Е. М., Донскова Л. И., Солодуха П. В., Хетагурова В. Ш. Актуальные вопросы инноваций в сфере туризма: российский опыт // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. No 4 (137). с. 31-39.

Искусственный интеллект и электронное правосудие: перспективные нюансы использования

Гринчевский Руслан Федорович, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Автор аргументирует тезис, что вопрос о вовлечении систем искусственного интеллекта в процессы судопроизводства носят весьма неоднозначный характер. Дальнейший генезис судопроизводства в глобальном масштабе всё же не может избежать изоляции от вовлечения новейших достижений цифровой революции, IT-технологий, позволяющих интенсифицировать все аспекты функционирования судебных систем, радикально минимизировать коррупционные риски, повысить оперативность рассмотрения дел, решить проблемы доступности судебной защиты, гласности, демократизма, удобства для всех участвующих в деле субъектов. Автор приходит к выводу, что сегодня динамика эволюции IT-достижений, их интенсификация при внедрении в судебную систему значительно опережает законодательную регламентацию рассматриваемой сферы. На повестке дня формирование инновационного регуляторного пространства под концепт электронного правосудия, которое адекватно отражало бы не только уже сложившуюся реальность судебной-правовой, среды но и работала бы на опережение.

Ключевые слова: цифровизация, судопроизводство, информационные системы, правосудие, искусственный интеллект, электронный формат документа, электронный документооборот.

Artificial intelligence and e-justice: promising nuances of application

The author argues that the issue of the involvement of artificial intelligence systems in the judicial processes is very ambiguous. The further genesis of legal proceedings on a global scale still cannot avoid isolation from the involvement of the latest achievements of the digital revolution, IT technologies that allow to intensify all aspects of the functioning of judicial systems, radically minimize corruption risks, increase the efficiency of the consideration of cases, solve the problems of accessibility of judicial protection, transparency, democracy, convenience for all subjects involved in the case. The author comes to the conclusion that today the dynamics of the evolution of IT achievements, their intensification when introduced into the judicial system, is significantly ahead of the legislative regulation of the sphere in question. On the agenda is the formation of an innovative regulatory space under the concept of electronic

justice, which would adequately reflect not only the already established reality of the judicial and legal environment, but would also work ahead of the curve.

Keywords: digitalization, legal proceedings, information systems, justice, artificial intelligence, electronic document format, electronic document management.

Социальная среда вокруг нас всё глубже и больше погружается в пучину цифровизации. Казавшиеся ещё вчера немислимыми ИТ-достижения сегодня становятся приметой времени и явлением повседневной жизни для каждого из нас. Тренды информационной и цифровой революций, роботизация, системы искусственного интеллекта (ИИ) и т. п. проникают во все сегменты социальных взаимодействий, как частных, так и публично-правовых. И судебная система, в этом контексте, отнюдь не является неким исключением.

Более того, невозможно представить современную систему правосудия без новейших драйверов цифровизации, таких как электронный документооборот, расширенные аналитические технологии по типу Big Data, компьютеризованные информационные системы, а в перспективе — системы искусственного интеллекта. Такой инструментариий даёт возможность участникам процесса, воспользовавшись Интернетом, передать в суд документ в электронном формате, отслеживать движение дела, получать судебные извещения, удалённо ознакомиться с судебным решением, и проч. Весьма энергично в последние годы в системе гражданского судопроизводства раскрывается потенциал видеоконференцсвязи (далее — ВКС). Наиболее важные и значимые информационные контенты по гражданскому делу заинтересованные лица отныне могут отслеживать в режиме онлайн. Суды всех уровней активно развивают систему официальных веб-сайтов, интернет-порталов, цифровых приёмов, приступают к внедрению автоматизированного распределения судебной нагрузки между судьями, основанную на автоматической оценке «машиной» нагрузки и специализации каждого судьи. Весь названный (перечисленный) выше инструментариий в своей совокупности получил наименование электронного правосудия.

Разнообразные аспекты электронного правосудия и проблематика внедрения в судебную систему элементов искусственного интеллекта весьма энергично обсуждается научным сообществом [1, с. 38]. Этим вопросам посвящённые труды таких современных правоведов, как А. В. Андреев, Д. А. Басангов, А. М. Берман, А. Т. Борман, Н. Ю. Волосова, Д. В. Еремеев, Е. П. Ермакова, Н. А. Ершов, М. Д. Журавлёва, И. П. Кожокар, У. В. Костылева, С. И. Кувычков, Е. В. Купчина, С. А. Курочкин, М. А. Мельничук, В. В. Момотов, П. Н. Морхат, О. В. Овчинникова, Е. С. Папышева, И. В. Решетникова, Е. П. Русякова, Е. С. Осипов, Ю. А. Свиринов, М. В. Складченко, О. А. Степанов, А. М. Терехов, Е. Е. Фролова, А. С. Чуева, Л. В. Щербачёва, и мн. др. Вместе с тем очевидная концептуальная новизна и внедренческая сложность внедрения рассматриваемых концептов в систему гражданского су-

допроизводства продолжает продуцировать интенсивные дебаты как среди учёных, так и в среде практикующих юристов.

Прежде всего, обратимся к современным трактовкам термина «искусственный интеллект» (ИИ, Artificial Intelligence), которые немало представлено в доктринальных источниках и специально-технической литературе. Обобщив представленные позиции, констатируем: в настоящее время под ИИ (в максимально обобщённом контексте) принято понимать некую цифровую программу, позволяющую машине не только обрабатывать информационные массивы, но и генерировать принципиально «новые» знания и решения. Нередко применительно к феномену ИИ даже ссылаются на некое «машинное мышление», фактически презюмируя наличие такого процесса как искусственная симуляция разумной мыслительной деятельности [3, с. 28].

В современных концепциях применительно к ИИ принято говорить об искусственно-спродуцированных и математически алгоритмизированных системах, способных (при взаимодействии с внешней средой) не только самостоятельно получать, передавать, оценивать и анализировать информационный контент (с извне заданными целями), но самообучаться, причём не только на основе изначально заложенных возможностей, но и вновь приобретённых. Фактически речь идёт о способности «машины» гибко приспосабливать свои алгоритмы к динамично меняющимся ситуациям внешней среды, видоизменяться, адаптироваться, т. е. о способности к самостоятельной эволюции и развитию.

Рассмотрим некоторые ключевые направления возможного практического внедрения ИИ в отдельные аспекты судебной системы. Некоторые из них лишь обсуждаются на уровне футурологических прогнозов, другие — проходят стадию апробации, третьи — уже весьма активно используются в практиках судопроизводства.

Первый вопрос касается потенциальной возможности замены судьи цифровыми системами искусственного интеллекта, первоначально — по наиболее ординарным делам с типизированными алгоритмами рассмотрения и вынесения решений. Подобные программы уже не плод фантастического воображения, но реалия времени: их аналоги активно разрабатываются и тестируются в ряде зарубежных стран (например, КНР, Тайвань, Франция, Нидерланды, Сингапур, Литва, Эстония и нек. др.).

Рассмотрим возможные плюсы и минусы такой футурологической передачи судебных полномочий машине. К числу первых отнесём эмоциональную устойчивость, беспристрастность и отсутствие субъективизма. Машина не страдает из-за проблем со здоровьем, она не способна

уствовать, не отягощена негативным личным опытом, гендерными, социальными и культурологическими издержками, что может повлиять на принимаемые решения. Но все эти факторы поистине меркнут перед главным достоинством — непреодолимой пропастью в скорости обработки данных между мозгом человека и машины.

Но не будем забывать и про потенциальные риски передачи судебной власти в руки ИИ. Последнему чужды любые морально-нравственные сомнения, он всегда «по ту сторону добра и зла», потому вряд ли машина может в полной мере прочувствовать, что означают понятия совести, эмпатии, справедливости, жалости, стыда и т.п., которые при решении наиболее сложных дел могут стать решающими при принятии решения. Эти качества человек скорее интуитивно ощущает, а не осмысливает. Еще одна отнюдь не гипотетическая проблема касается кибер-угроз, которые могут позволить преступникам взять ИИ под свой контроль и манипулировать с целью несанкционированного вмешательства при разрешении конкретного дела.

Вместе с тем, можно рассмотреть (и даже поддержать) тех правоведов, которые призывают на первом этапе ИИ-революции в судопроизводстве заменить судей искусственным интеллектом при разрешении рутинных казусов, не требующих сложных интерпретаций и возможных альтернатив на стыке права и морали [1, с. 39]. В таких типизированных процессах первой инстанции использование машины в качестве «кибер-судьи» способно значительно ускорить процесс, разгрузить судейский корпус и обезопасить его от профессионального выгорания из-за необходимости ежедневно разбирать однообразно-повторяющиеся несложные кейсы, не требующие от судьи высокой квалификации. Разумеется, и в таких делах человек-судья должен остаться как конечная инстанция правопорядка.

Кроме того, никто не возражает от расширенного использования ИИ в качестве некоего помощника судьи, обеспечивающего информационную, документальную, аналитическую, экспертную, лингвистическую (включая переводы, корректуры и редактирование текстов судебных документов) поддержку в процессе отправления правосудия.

Задействование ИИ может в перспективе осуществляться по таким направлениям, как проверка представленных суду доказательств, первичная обработка всех документов, поступающих в суды, для распределения нагрузки между судьями, при подготовке бланковых актов судебных актов, и т. п.

Несравнимые с работой человеческого мозга возможности «машинного разума» могут оказать неоценимую помощь судьям в процессе подбора, систематизации, анализа нормативного и фактического материала по делу. Машина без труда и в кратчайшие (по сравнению с человеком) сроки способна обработать гигантские массивы информации, что качественно ускорит и упростит процесс, снизит его материальные и темпоральные издержки, что соответствует требованиям процессуальной эко-

номии. Если по юридически-значимой проблеме отсутствует единообразный подход, машина может (на основе строгих математических алгоритмов) установить и сформировать весьма выявлять устойчивый тренд, закономерность, которую (в целях унификации судебной практики) судья может учесть при принятии решения по делу. Использование потенциала ИИ может быть полезна и иным участникам судопроизводства, которые получают возможность изначально оценить выигрышность своей позиции и отказаться от инициации или продолжения тяжбы, либо — скорректировать свою позицию на любом этапе судебного разбирательства.

Анализ и обобщение доктринальных источников по рассматриваемой проблематике позволяет обозначить нижеследующие направления использования ИИ в судебной системе: выполнение синхронных переводов юридически-значимых текстов (а в перспективе — и устной речи участников процесс) на русский язык, формировать «цифровые протоколы» судебных заседаний в качестве замены протоколам на бумажных носителях, цифровизация всех аспектов делопроизводства и архивирования в судах, включая прежде всего хранение релевантных информационных контентов в «облачных» онлайн-хранилищах, оперативно и достоверно проверить аутентичность и подлинность документов и доказательств, предоставляемых суду, для проведения математических действий, расчётов, подсчётов (например, при исчислении размеров недоимок или срок исковой давности), проверках числовых данных, для оперативной экспертной оценки применительно к судебным экспертизам, позициям привлечённых в процесс специалистов, и т. д.

И всё же отправление правосудия с применением ИИ принципиально не должно происходить без контроля судьи-человека. Решение машиной вопросов права, правовая квалификация содеянного, вынесение окончательного решения в любом случае должны осуществляться по согласованию, под контролем и с последующим санкционированием человеческого разума.

Суммируя изложенное, можно заключить, что вопрос о вовлечении систем искусственного интеллекта в процессы судопроизводства носят весьма неоднозначный характер. Вполне возможно доверить машине разрешение несложных, рутинных кейсов с условием гарантий защиты информационной безопасности всех участников процесса и сгенерированной по делу информации. Думаем, дальнейший генезис судопроизводства в глобальном масштабе всё же не сможет избежать изоляции от вовлечения новейших достижений цифровой революции, IT-технологий, позволяющих интенсифицировать все аспекты функционирования судебных систем, радикально минимизировать коррупционные риски, повысить оперативность рассмотрения дел, решить проблемы доступности судебной защиты, гласности, демократизма, удобства для всех участвующих в деле субъектов.

Важный нюанс: сегодня динамика эволюции IT-достижений, их интенсификация при внедрении в судебную

систему значительно опережает законодательную регламентацию рассматриваемой сферы. На повестке дня формирование инновационного регуляторного пространства

под концепт электронного правосудия, которое адекватно отражало бы не только уже сложившуюся реальность судебно-правовой, среды но и работала бы на опережение.

Литература:

1. Курочкин, С. А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве/С. А. Курочкин // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 2. — с. 37-42.
2. Мельничук, М. А. Использование систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве России и зарубежных стран/М. А. Мельничук, Р. Н. Агагулова // Закон и право. — 2023. — № 3. — с. 139-141.
3. Терехов, А. М. Оценка экономической эффективности внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство/А. М. Терехов, С. И. Кувычков // Администратор суда. — 2023. — № 1. — с. 27-31.

Проблема коррупции в сфере ЖКХ

Депре Виктория Александровна, студент магистратуры;

Рябова Карина Александровна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В данной статье рассматриваются проблемы преступлений коррупционной направленности в сфере ЖКХ, а также возможные меры противодействия данным преступлениям.

Ключевые слова: противодействие коррупции, жилищно-коммунальное хозяйство, должностное лицо, преступление.

Особую опасность коррупционная деятельность представляет именно в сфере ЖКХ, так как именно эта сфера обеспечивает качество жизни, а также комфортные условия проживания населения на территории Российской Федерации.

Преступление коррупционной направленности в сфере ЖКХ — это преступление, совершенное любым должностным лицом, осуществляющим свою деятельность в системе ЖКХ [1].

Наиболее распространенными преступлениями такого рода являются различные виды: мошенничества, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, легализация денежных средств, добытых преступным путем совершенная любым должностным лицом, как в коммерческой, так и в некоммерческой организации.

Управление жилищной сферой в России испытывает значительные трудности, связанные с недостаточным финансированием, слабой материальной базой, слабой квалификацией кадров, отсутствием продуманной жилищной политики и системы организации взаимоотношений с органами власти и потребителями.

Анализ современного законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства показывает, что существующие управляющие компании наделяются преваляющими полномочиями в плане регулирования финансовых взаимоотношений основных участников рынка жилищно-коммунального хозяйства: ресурсных компаний и потребителей услуг [2].

В связи с этим контроль за данным звеном рынка жилищно-коммунальных услуг не налажен должным образом, при этом характерным признаком наличия коррупции является бесконтрольный рост платежей за жилищно-коммунальные услуги, что вызывает растущее недовольство среди населения

Нынешнее жилищно-коммунальное хозяйство считается одной из самых больших сфер российской экономики, которая работает в области интересов всех граждан и большей части органов государственной и муниципальной власти. Она считается сектором с обеспеченным спросом, который делает без учета промышленности приблизительно 143 миллионов потребителей.

О размерах ЖКХ удостоверяет тот факт, что в ней занято более 4,5 миллиона человек, а средний годовой объем производств в данной сфере превосходит 5% от ВВП всей Российской Федерации. Годовой оборот области жилищно-коммунального хозяйства составляет 4,14 триллиона рублей, а собираемость платежей — 96%. Данная сфера финансируется больше всего из государственного бюджета РФ [3].

С целью повышения результативности противодействия с коррупционными преступлениями в области ЖКХ нужно постепенное улучшение взаимодействия органов государственного контроля и МВД, связанное с установлением критериев передачи материалов с характеристиками правонарушений в сфере экономики в правоохранительные органы, привлечением специалистов к следствию правонарушений.

Согласно статистике преступлений за 2020 г., среди лиц, получающих взятку или коммерческий подкуп в жилищно-коммунальной сфере, 57% составляют руководители управляющих компаний, дирекций единого заказчика, председатели товариществ собственников жилья, жилищных кооперативов и пр.; 21% — директора и иные сотрудники муниципальных учреждений; 11% — участники конкурсов на право заключения государственных и муниципальных контрактов на оказание услуг в сфере ЖКХ; 9% — должностные лица органов местного самоуправления [4].

В целях противодействия с коррупционными правонарушениями создан ряд мер:

- мониторинг правовых документов министерства, контролирующих правоотношения в области борьбы с коррупцией, в целях выявления законов министерства, требующих приведения в согласии с федеральным законодательством;

- реализуется подготовка и повышение квалификации муниципальных служащих, в должностные обязанности которых входит участие в борьбе с коррупционными преступлениями, реализовывающих проведение антикоррупционной экспертизы правовых документов и их проектов;

- реализация антикоррупционного мониторинга;

- привлечение средств массовой информации для освещения проблем в сфере жилищно-коммунального сектора, в том числе и освещения проблемы, связанных с коррупцией;

Литература:

1. Меньшов, Н. А. Коррупция в сфере ЖКХ: сущность, виды, меры противодействия/Н. А. Меньшов // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 23-24 января 2020 года/под редакцией: Кузьминой В. М.. Том 1. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. — с. 415-419. — EDN HISKDO.
2. Тюрин, А. А. Коррупция в структуре ЖКХ: пути повышения эффективности политики противодействия коррупции/А. А. Тюрин // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы: Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием, Москва, 21 ноября 2019 года. Том I. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательский Дом «Третьяковъ», 2019. — с. 300-303. — EDN FGQJZT.
3. Кельм, С. И. Состояние, структура и динамика преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-struktura-i-dinamika-prestupnosti-v-sfere-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva> (дата обращения: 19.08.2023).
4. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>.
5. Панин, В. А. Коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального комплекса, совершаемые работниками государственных, муниципальных учреждений и организаций/В. А. Панин // Евразийская адвокатура. — 2021. — № 1 (50). — с. 91-94. — DOI 10.52068/2304-9839_2021_50_1_91. — EDN RRRBMJ.

— создание и введение карт коррупционных рисков в региональных исполнительных органах власти государства.

Также ростом результативности противодействия с преступностью в ЖКХ возможно в ходе взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов по последовательной декриминализации указанной области в пределах программы борьбы с преступностью.

К тому же для гарантирования цельности правоприменения нужно принятие особого закона о государственно-частном партнерстве на федеральном уровне, специфичное внимание обязано быть уделено принципу финансовой ответственности страны за условия договора, заключаемого в пределах осуществления государственно-частного партнерства [5]. Данный подход даст возможность уменьшить выделяемые бюджетные средства на изменения ЖКХ с помощью привлечения средств частных инвесторов, а также, снизить коррупционные преступления в этой сфере.

Можно сделать вывод, что жилищно-коммунального хозяйство — это одна из самых коррумпированных сфер в современной России, что, отрицательно воздействует на ее деятельность и существование в целом.

Это обстоятельство, в свою очередь, ставит приоритетные задачи перед криминалистической наукой по созданию методических рекомендаций по раскрытию и расследованию коррупционных преступлений в ЖКХ.

Проблемы договора энергоснабжения

Дубровская Мария Игоревна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Договор энергоснабжения — сложный договор, включающий в себя поставку энергоресурса в необходимом объеме и гарантию его качества. Энергоснабжающие организации несут ответственность за перерывы в подаче энергии, ее недоотпуск, что может повлечь невыполнение договорных условий о количестве подлежащего отпуску энергоресурса.

За последний период мы наблюдаем рост потребления энергоресурса в связи с ростом промышленности, сельского хозяйства, строительства, что является стимулом к развитию энергетики ее преобразованию, предусмотренными реформой РАО ЕЭС. Но энергетикам довольно не просто в виду протяженности коммуникаций и связанных с этим технологическими потерями, коммерческими потерями в бесхозных сетях, и прочее. Также необходимо учесть безучетное потребление и огромную дебиторскую задолженность.

По данным Ассоциации «НП Советрынка» задолженность по Федеральным округам на 31.12.2022 г. составила 321,9 млрд. рублей, что на 32,4 млрд. рублей выше, чем в предыдущем году. Из них 50337,7 млн. рублей выпадает на промышленных потребителей и 177986,9 млн. рублей — на непромышленных (группу ЖКХ), из них:

- потребители ЖКХ — 69155,2 млн. рублей,
- УК, ТСЖ, ЖСК — 37665,1 млн. рублей,
- энергоснабжающие и энергосбытовые организации — 34489,4 млн. рублей,
- бюджетные потребители — 11850,6 млн. рублей,
- сельхозпроизводители — 4827,9 млн. рублей,
- население — 76855,5 млн. рублей [1].

Как сообщает Ассоциация «Совет производителей энергии», на рынке тепловой энергии России задолженность перед генерирующими компаниями по состоянию на 01.01.2022 увеличилась на 7,8% или 16,3 млрд. рублей и составила 225,5 млрд. рублей [2].

Газпром сообщает о просроченной задолженности за газ в России на 2022 г. в количестве 163,1 млрд. рублей [3].

Рассмотрев динамику на РРЭ в 2021–2022 гг. на 31.12.2022 г. мы видим ее увеличение в основном в отопительный период, ведь именно в этот период у энергокомпаний отсутствует возможность для привлечения «жестких» мер на должников путем ограничения подачи энергоресурсов, не говоря уже об отсутствии такой возможности воздействия на производство в виду риска стать причиной недоотпуска продукции, простоя рабочих, механизмов и прочему, что может нанести непоправимый экономический урон должникам, особенно тем, которые имеют технологическую бронь. При ограничении подачи энергии необходимо строго соблюдать процедуру.

В результате роста неплатежей растет недофинансирование, что приводит к уменьшению объемов нового строительства, реконструкции и ремонтов сетей. Необходим системный подход и специальные стратегии для улучшения ситуации и отлаживания системы энергоснабжения. Федеральным законом от 03.11.2015 № 307-ФЗ для уменьшения задолженности потребителей перед энергоснабжающими организациями внесены изменения для не исполняющих обязанности за потребленные энергоресурсы (газа, электрической и тепловой энергии) в плане применения пеней и предоставления финансовых гарантий отдельными категориями потребителей.

Но, как ни печально это звучит, именно отключение неплательщиков является самым действенным способом для возврата долга за потребленные энергоресурсы. И, как показывает практика, наиболее злостными неплательщиками являются потребители, которым отключение от подачи энергоресурсов запрещено или ограничено.

Обратимся к Указу Президента Российской Федерации «О мерах по осуществлению устойчивого функционирования объектов, обеспечивающих безопасность государства» № 1173 от 23.11.1995 г. [4]. где введен запрет к применению мер, призывающих к ответственности за оплату потребленных энергоресурсов с социально-значимых объектов (силовых частей, воинских, медицинских учреждений, государственных органов, организаций различного рода транспорта и др.). не только введение ограничения, а даже направление предупреждения о его возможности является нарушением законодательства и приводит гарантирующего поставщика к штрафам. Здесь, как минимум необходимо сократить перечень неотключаемых объектов, ведь далеко не все объекты, находящиеся на территории таких организаций, относятся к неотключаемым.

Также неотключаемыми являются потребители с субабонентами в виду того, что для этого этим потребителем должны быть реализованы организационно-технические меры по доставке энергоресурсов его субабонентам. Потребитель, имеющий аварийную или технологическую бронь должен принять меры для безаварийного прекращения технологического процесса и обеспечения безопасности людей и предоставить акты согласования аварийной или технологической брони.

Таким образом, эти потребители защищены положением и данные меры становятся неприменимы — тупик. Почему бы не установить административную ответственность за неисполнение необходимых для отключения действий? Получается, что ресурсоснабжающие организации обязаны продолжать обеспечивать своими ресурсами неплательщиков.

Существует также проблема недоучета электроэнергии путем противоправных мер потребителей таких, как несанкционированные подключения к сетям энергоснабжения, физические вмешательства в работу приборов учета энергоресурсов. Несанкционированный отбор мощности — хищение энергоресурсов ведет к разнице между поступившей в сеть и отпущенной потребителям энергии. Согласно пп. 3.5 п. 3 Правил учета электрической энергии, утвержденных Минтопэнерго РФ 19.09.1996, Минстроем РФ от 26.09.1996 средства учета электроэнергии и контроля ее качества должны быть защищены от несанкционированного доступа для невозможности вмешательства в работу приборов учета и искажения данных по расходам. Основанием для взыскания стоимости по данному нарушению является акт осмотра прибора учета и акт о неучтенном потреблении контролера, представляющего организацию поставщика электроэнергии.

Потребление энергоресурса при неисправности устройств или их неправильного функционирования также является безучетным потреблением. Чтобы потребителю не нести, по умолчанию, ответственность он должен уведомить энергоснабжающую организацию о неполадках и предоставить доказательства об уведомлении. А компания, поставляющая энергоресурс должна доказать факт безучетного потребления.

Как мы видим выше из данных по задолженности, большой ее объем исходит от потребителей ЖКХ. Законодательством уже проведена некоторая работа по ее сокращению путем установки коллективных и индивидуальных приборов учета, учитывающих количество поставляемых и полученных потребителями энергоресурсов.

В соответствии с Федеральным законом от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] собственники жилых домов, помещений в многоквартирных домах (далее МКД) были обязаны до 1 июля 2012 г. установить и ввести в эксплуатацию приборы учета как коллективные (общедомовые) приборы учета ресурсов воды и тепла, поступающих в дома, так и индивидуальные, общие (для коммунальной квартиры) приборы учета водо- и электроснабжения. А до 1 января 2015 г. — общие и индивидуальные приборы учета природного газа, если объекты имеют подключение к сети центрального газоснабжения. Решение об установке в МКД коллективных (общедомовых) приборов учета (далее ОДПУ) должно приниматься на общем собрании собственников помещений в этом доме. Собранию также необходимо подтвердить, что расходы на приобретение и монтаж ОДПУ включаются в плату за содержание и ремонт жилого помещения.

Установкой коллективных приборов учета занимается обслуживающая ресурсоснабжающие сети данного МКД организация на основании договора, которая несет ответственность за содержание общего имущества собственников помещений (УК, ТСЖ, ЖСК). По этому дого-

вору организацией должны оказываться услуги в соответствии с Приказом Минэнерго России от 07.04.2010 № 149 «Об утверждении порядка заключения и существенных условий договора, регулирующего условия установки, замены и (или) эксплуатации приборов учета используемых энергетических ресурсов».

При этом, установка соответствующих приборов — это, в соответствии с законодательством, обязанность собственников. Наложение штрафов за несоблюдение или иного административного наказания Федеральное законодательство не предусматривает, но Федеральным законом «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была предусмотрена возможность установки таких счетчиков в принудительном порядке за счет собственника. Также собственник не вправе препятствовать установке коллективных приборов учета ресурсоснабжающим организациям также за счет собственника.

На данный момент, в виду некоторых изменений в законодательстве «гарантирующие поставщики обеспечивают коммерческий учет электрической энергии (мощности) на розничных рынках в отношении расположенных в их зоне деятельности многоквартирных домов (за исключением помещений многоквартирных домов, электроснабжение которых осуществляется без использования общего имущества), включая установку коллективных (общедомовых) приборов учета электрической энергии» [6]. Т. е. установка, замена как индивидуальных приборов учета (далее ИПУ), так и ОДПУ входит в прямые обязанности энергоснабжающих организаций и за их же счет, что считаем разумным в виду ускорения процесса «обязки» приборами учета потребляемого энергоресурса и заметного увеличения количества «обязанных» МКД из-за устранения препятствий в плане снятия материальной нагрузки на монтаж и замену на собственников помещений и получения необходимой технической документации на возможность проведения данных работ.

Здесь мы можем заметить еще несколько положительных факторов.

Возможность наведения порядка в технической документации (актах об осуществлении технологического присоединения или актах разграничения балансовой принадлежности сетей и эксплуатационной ответственности сторон), а также их получения в виду их отсутствия. Если ранее некоторые МКД включались в договор энергоснабжения порой без ее предоставления управляющими компаниями и, как нам известно энергоснабжающие организации не в праве отказать в заключении или включении в данный договор и не могут воздействовать на ее получение путем отключения от энергоресурса. Соответственно сейчас эти пробелы автоматически устраняются при установке ОДПУ в «проблемных» МКД из-за ее обязательной необходимости. Энергоснабжающие организации теперь напрямую запрашивают данные документы у сетевых организаций, чтобы наглядно понимать гра-

ницы питающих сетей. Как мы видим за эти годы возросло количество помещений, переведенных в нежилые, пристроен и отдельно стоящих от дома строений, которые запитаны от сетей МКД. В соответствии с п. 2 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утв. Постановлением Правительства РФ № 354 от 06.05.2011 г. [7; 8], «коллективный (общедомовый) прибор учета — средство измерения (совокупность средств измерения и дополнительного оборудования), устанавливаемое в многоквартирном доме при технической возможности и используемое для количества объемов (количества) коммунального ресурса, поданного в многоквартирный дом».

Также мы видим и плюс в том, управляющие компании будут в ускоренном и обязательном порядке приводить аварийные вводные устройства в порядок для возможности установления ОДПУ в стандартных для них местах без риска выведения из строя. Аварийные сети являются, к нашей скорби, проблемой, очень наболевшей и скрытой от глаз собственников МКД обсуживающими их организациями, и требуют особого внимания, т. к. несут опасность как для имущества, так и для жизни и здоровья людей. В соответствии со ст. 539 ГК РФ договором энергоснабжения признается договор, по ко-

торому энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию и соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии. Здесь же кроется ответ на вопрос собственников объектов МКД: «Почему, при обращении в энергоснабжающую организацию об увеличении объема поставки энергоресурса она требует предоставления технической документации как от сетевой организации, так и от организации, обслуживающей сети их домов?» энергоснабжающая организация должна быть уверена в том, что поставляемый ею продукт будет соответствовать стандартам, заложенным в законодательстве, путем соответствия и возможности сетей поставлять больший объем энергоресурса. При отсутствии такой возможности, потребитель направляется на договор технологического присоединения, при котором сетевая организация рассматривает необходимые возможности для поставки требуемого количества энергоресурса. Таким образом, ограждая себя и третьих лиц (остальных собственников помещений МКД) от возможных аварийных ситуаций.

Литература:

1. <https://www.np-sr.ru/ru/press/video/55642-ao-cfr-prokomentirovalo-platezhnye-rezultaty-i-dinamiku-snizheniya-zadolzhennosti>
2. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/267271138>
3. <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/774009-gazprom-prosrochennaya-zadolzhennost-potrebiteley-za-gaz-v-rossii-snizhaetsya-/>
4. <https://base.garant.ru/105476/>
5. <https://base.garant.ru/12171109/>
6. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. От 08.06.2023) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») п. 136 абз. 6 // www.consultant.ru
7. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/
8. <https://mlcjournal.ru/s0026190-9-1/>

К вопросу о прокурорском надзоре за органами дознания

Латыпова Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;

Алексеев Юрий Алексеевич, студент магистратуры

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье автор рассматривает вопросы, посвященные проблемам осуществления прокурорского надзора за органами дознания на современном этапе. Анализирует точки зрения ученых, а также законодательных актов, на основе которых определяет понятие надзорной деятельности в России.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы дознания, прокурор, уголовно-процессуальная деятельность.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания является одним из видов надзора, осуществляемого прокуратурой Российской Федерации.

Анализируя нормативно-правовые акты, регламентирующие законодательство в рассматриваемой области, мы можем прийти к выводу о том, что под процессуальной деятельностью органов дознания понимают надзорную деятельность прокурора, осуществляющего свои полномочия на основании закона «О прокуратуре Российской Федерации» и УПК РФ по обеспечению законности действий и решений органов дознания, принимаемых в рамках производства по уголовному делу.

В частности, при возбуждении уголовного дела и предварительном расследовании в целях достижения назначения уголовного судопроизводства согласно ст. 6 УПК РФ [4] в защите потерпевших от преступлений, а также любой личности, вовлеченной в уголовный процесс, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2, с. 172].

Таким образом, вопросы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, рассмотрены в гл. 3 Закона о прокуратуре [5].

Сущность прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания характеризуют следующими признаками:

1. Реальное обеспечение формами и средствами прокурорского надзора, соблюдение органами дознания конституционных прав.

2. Обеспечение точного и безусловного исполнения органами дознания требований закона по принятию мер предупреждения и пресечения, совершенных и готовящихся преступлений, выявлению и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении преступных посягательств.

3. Обеспечение процессуального руководства за проведением дознания по конкретным уголовным делам.

Необходимо отметить, что указанный вид надзора занимает ведущее место в деятельности прокуратуры, а прокурор, его осуществляющий, является гарантом обеспечения законности в сфере борьбы с преступностью, и его полномочия гораздо шире, чем полномочия, направленные на надзор, осуществляемый за органами след-

ствия. Но на практике существуют некоторые проблемы в реализации прокурором своих полномочий по надзору.

Так, например, пределы прокурорского надзора ограничиваются вопросами тактики производства следственных действий и методики расследования преступлений. Тем не менее, прокурор, осуществляя возложенные на него полномочия, в большинстве случаев подменяет деятельность начальника органа дознания. Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 37 УПК РФ прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве отдельных процессуальных действий. Безусловно, рассматриваемое полномочие непосредственно влияет на ход расследования уголовного дела, организацию работы дознавателя, выбор тех или иных приемов и средств для выполнения указаний прокурора. Такие действия прокурора, так или иначе, по мнению многих ученых, затрагивают вопросы тактики расследования преступлений. Кроме того, письменные указания прокурора базируются на положениях, общих для расследования всех преступлений того или иного вида, т.е. фактически содержат положения методик расследования преступлений [3, с. 186].

По результатам исследований в виде анкетирования среди должностных лиц органов дознания, проведенных в научных работах по данному вопросу [1, с. 25], ученые приходят к выводу о том, что большинство опрошенных считают, что письменные указания прокурора не оказывают положительного влияния на ход и результаты расследования по уголовному делу. Также, необходимо отметить, дознаватели в ходе анкетирования признались, что не отстаивают свою позицию в случае несогласия с решением надзирающего прокурора путем обжалования его указания вышестоящему прокурору в соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ, поскольку, по их мнению, «это бессмысленно». Что, безусловно, носит негативный характер и так или иначе влияет на процессуальную деятельность органов дознания.

Следует отметить, что в некоторых прокуратурах сложилась практика, когда от имени и по поручению прокурора указания составляют сами дознаватели, расследующие уголовное дело. В то же время это может привести к умалению авторитета прокурора и его значимости для расследования уголовного дела.

4. Обеспечение процессуального руководства за проведением дознания по конкретным уголовным делам.

В этой связи, рассматривая вопрос пределов прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания, также нельзя не затронуть дискуссионный вопрос, касающийся соотношения прокурорского надзора и ведомственного контроля начальника органа (подразделения) дознания.

В научных кругах высказывается точка зрения о расширении процессуальной самостоятельности начальника органа (подразделения) дознания за счет передачи ему части полномочий прокурора в досудебном производстве. На начальника органа (подразделения) дознания возложены организационно-распорядительные функции по отношению к дознавателям, находящимся у него в подчинении.

Вместе с тем, несмотря на достаточно широкий круг возложенных на него законодателем процессуальных функций, начальник органа (подразделения) дознания не является исключительной и самостоятельной фигурой

уголовного судопроизводства. Постоянное вмешательство прокурора в процессуальную деятельность органов дознания путем дачи письменных указаний о направлении расследования, разрешении отводов дознавателям, а также их самоотводов, отстранении от расследования, безусловно, накладывает свой отпечаток на организацию работы указанных органов, что умаляет роль и значение начальника органа (подразделения) дознания.

В этой связи нам представляется необходимым внести соответствующие изменения в УПК РФ, передав вышеуказанные полномочия прокурора начальнику органа (подразделения) дознания, оставив последнему исключительные полномочия по организации и руководству их процессуальной деятельностью, а также исключив из полномочий прокурора право на дачу письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий. Что, безусловно, положительно скажется на процессуальной деятельности, осуществляемой органами дознания в рамках расследования преступлений.

Литература:

1. Костин, Д. В., Кобзарев Ф. М. О совершенствовании нормативно-правовых основ прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2016. — № 2 (52). — с. 25-29.
2. Малиненко, М. К. Процессуальные аспекты обеспечения прокурором законности предварительного следствия: дис. канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2017. — с. 172.
3. Ситник, В. В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы Российского права. — 2018. — № 4 (89). — с. 185-189.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] (в редакции от 30.08.2023 г.) // Спб Консультант Плюс.
5. Федеральный закон «О прокуратуре в Российской Федерации» № 168-ФЗ от 17 ноября 1995 г. (в редакции от 24 июля 2023 г.) // Спб Консультант Плюс.

Судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора: содержание и пределы

Мамедов Анар Гусейнович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассмотрена сущность судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора, выявлены основные формы данного вида контроля. В ходе исследования определены содержание и пределы судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора, установлено, что судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора является важным звеном судебной системы любого государства, поскольку основное его предназначение состоит в обеспечении соблюдения прав граждан, гарантированных законом, а также в поддержании правового порядка.

Ключевые слова: судебный контроль, органы предварительного расследования, прокурор, формы контроля, уголовный процесс, законность, защита прав граждан.

Правовая система государства не может существовать без строго определенных процедур контроля со стороны соответствующих органов. Тем самым, судебный

контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора представляет собой важный элемент правовой системы. Основная цель дан-

ного вида контроля состоит в обеспечении соблюдения принципов законности, справедливости и защиты прав граждан.

Следовательно, можно определить, что судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора — это процесс, при котором судебный орган, наделенный конкретными полномочиями, в соответствии с действующим законодательством, осуществляет проверку законности и обоснованности действий и принятых решений органов предварительного расследования и прокурора в рамках расследуемого уголовного дела.

Исследуя общую сущность судебного контроля, можно выделить его основные функции:

1) контроль законности решений и действий должностных лиц органов государственной власти. Данная функция наделяет суд полномочиями проверки соответствия решений и действий должностных лиц закону;

2) контроль судебного органа за соблюдением должностными лицами принципа справедливости;

3) обеспечение защиты прав, законных интересов и свобод граждан.

Судебный контроль является важным элементом разделения властей в государстве и гарантирует соблюдение принципа правового государства и справедливости.

В правовой литературе выделяют четыре основных формы судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора.

Первая форма судебного контроля включает компетенцию судебных органов по избранию меры пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых в виде заключения под стражу или продления срока содержания под стражей (ст. 108, 109 УПК РФ). Кроме того, данная форма контроля включает избрание меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ), а также помещение подозреваемых и обвиняемых в медицинский или психиатрический стационар (ст. 29 УПК РФ) [2].

Вторая форма судебного контроля заключается в принятии судебным органом решений о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 177 УПК РФ); о производстве обыска или выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29, ст. 165, 182 УПК РФ); о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УК РФ (п. 6 ч. 2 ст. 29, ст. 184 УПК РФ); о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); о наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в учреждениях связи (п. 8 ч. 2 ст. 29, ст. 185 УПК РФ); о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); о контроле и записи телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); о временном отстранении обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ

(п. 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); об эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) [2].

Третья форма контрольной деятельности судебных органов закреплена положениями статьи 448 УПК РФ, регуливающими аспекты возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц. Например, ч. 1 ст. 93 Конституции РФ закрепляет процедуру привлечения к уголовной ответственности действующего Президента РФ. В данном случае также предусмотрена форма судебного контроля на этапе предварительного расследования [1].

Не менее важной является четвертая форма судебного контроля, которая закреплена в виде полномочий суда по рассмотрению жалоб на действия органов предварительного следствия и прокуроров. В соответствии со ст. 125 УПК РФ, постановления органов предварительного расследования и прокуроров могут обжалованы в районный суд, если они нарушают права и свободы граждан. Судебные органы наделены полномочиями по проверке законности решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора [2].

Таким образом, судебный контроль приобретает форму проверки законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования и прокурора. В том случае, если судебным органом будет установлено, что действия или решения данных органов являются незаконными или необоснованными, он может принять соответствующие меры, такие как вынесение постановления о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение.

При этом судебный контроль имеет свои пределы, поскольку судебные органы не вправе вмешиваться в тактику и стратегию расследования по уголовному делу, так как это в компетенции следственных органов. Таким образом, такая форма контроля за деятельностью органов предварительного следствия и прокурора, как судебный контроль, ограничивается проверкой соблюдения норм законодательства и прав граждан в ходе предварительного расследования [4].

Основная цель, которую преследовал законодатель при наделении судебных органов контрольными полномочиями в рамках расследования уголовного дела, заключалась в обеспечении и соблюдении законных интересов и прав граждан.

Ж. А. Жиркова указывает, что «по сути, данное полномочие ограничивается словами «способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства», но как показывает практика, суд, по своему усмотрению, может отменить любое действие и решение следователя. Уголовно-процессуальное законодательство может отнести большинство действий и решений следователя как способ причинения

ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства» [3].

Не стоит забывать, что деятельность органов предварительного расследования, в частности дознавателя или следователя, имеет достаточно творческую направленность, а потому следователь (дознаватель) вправе сам выбирать последовательность и тактику проведения следственных действий, при условии, что вся его деятельность в рамках расследования по уголовному делу соответствует основным принципам уголовного процесса, в частности, принципу законности. При расследовании уголовного дела следователь (дознаватель) может выбирать различные альтернативные тактики. При этом суд рассматривая жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ, не может также, как органы предварительного расследования вникать в каждое мельчайшее обстоятельство по уголовному делу. Основная задача судебного органа при осуществлении четвертой формы контроля заключается в оценке законности и обоснованности действий или бездействий должностных лиц, расследующих уголовное дело.

Как указывает Ж.А. Жиркова «представляется, что в случае выявления нарушений закона, влекущих признание доказательства недопустимым, суд имеет право принимать решение по вопросам судебного контроля без учета незаконно полученных сведений. Для получения разрешения суда на производство следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы личности, органы предварительного расследования в своих ходатайствах об их проведении должны четко указать, какое именно следственное действие необходимо произвести, где оно должно быть проведено, какую информацию доказательственного характера они рассчитывают получить».

Д. И. Шнайдер в свою очередь отмечает, что «судебный контроль способствует соблюдению законности и обеспечению прав и свобод граждан. Также стоит признать, что судебный контроль имеет свою значимость только в случае независимости суда от органов предварительного

расследования и в случае наличия у него реальных контрольно-ревизионных полномочий» [5].

При этом, необходимо отметить, что усиление всех форм судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования, а также прокурора, будет способствовать защите прав участников уголовного судопроизводства, не только со стороны защиты, но и со стороны обвинения. Кроме того, наличие качественных форм контроля обеспечивает более объективное рассмотрение в дальнейшем уголовного дела по существу. Обращаясь к судебной практике, можно отметить, что судебные органы зачастую возвращают жалобы, поданные, заявителями в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку последние не являются участниками уголовного процесса. Здесь усматривается противоречие позиции Конституционного суда, поскольку обжалование заявителем производится в той части уголовного дела, которая затрагивает его интересы. В качестве примеров необоснованного возврата жалоб заявителям можно привести тот факт, что заявитель обжалует решение, которое не обличено в процессуальную форму. В данном случае жалоба также подлежит принятию судом к производству, однако имеют место и возвраты заявителям подобных жалоб, что противоречит действующему законодательству.

Таким образом, судебный контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора — это важный элемент правовой системы государства, основной целью которого является обеспечение соблюдения принципов законности, справедливости и защиты прав граждан. Однако, судебные органы не вправе вмешиваться в тактику и стратегию расследования по уголовному делу, так как это в компетенции следственных органов. Совершенствование и усиление всех форм судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования, а также прокурора, будет способствовать защите прав участников уголовного судопроизводства и более объективному рассмотрению дела по существу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // СПС Консультант плюс
3. Жиркова, Ж.А. Судебный контроль за усмотрением следователя при принятии процессуальных решений/Ж.А. Жиркова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 13 (460). — с. 248-249. — URL: <https://moluch.ru/archive/460/101186/> (дата обращения: 19.08.2023).
4. Марихова, Н.И. Типичные нарушения, допускаемые органами предварительного расследования, являющиеся препятствием для рассмотрения судом уголовного дела по существу/Н.И. Марихова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 47 (233). — с. 95-99. — URL: <https://moluch.ru/archive/233/54148/> (дата обращения: 17.08.2023).
5. Шнайдер, Д.И. Понятие, сущность и значение судебного контроля в уголовном судопроизводстве/Д.И. Шнайдер. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 19 (309). — с. 392-394. — URL: <https://moluch.ru/archive/309/69704/> (дата обращения: 22.08.2023).

6. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktсии-po-rassmotreniyu-materialov-v-porядке-обращения: 20.08.2023>).

Прокурорский надзор за соблюдением избирательных прав граждан Российской Федерации в условиях цифровизации электорального процесса: актуальные проблемы и пути их решения

Нырова Тамара Анзоровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав граждан РФ в свете цифровизации электорального процесса. Автором выявлены наиболее актуальные правовые пробелы, препятствующие эффективной реализации прокурорского надзора в данной сфере. Как следствие, предлагается несколько направлений по совершенствованию действующего законодательства, которые будут способствовать соблюдению законности избирательного процесса в условиях виртуального пространства.

Ключевые слова: избирательные права, прокурорский надзор, выборы, голосование, ДЭГ.

Особое место в системе конституционных прав занимают избирательные права граждан. Для их практического воплощения на государственном уровне установлены определенные механизмы. Одним из таковых выступает прокурорский надзор за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Ежегодно органами прокуратуры РФ выявляется достаточно существенное количество нарушений в данной сфере. Как следствие, переоценить значение такой прокурорской деятельности весьма сложно. Вместе с тем, правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан России не лишено недостатков. В связи с изложенным, выбранная тема для научной статьи представляется актуальной и востребованной для исследования как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Так, правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ в нынешнее время осуществляется комплексом нормативных правовых актов. Особое значение имеют положения таких законов как Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [6], регулирующий не только правовое положение органов прокуратуры РФ, но и устанавливающий возможность реализации прокурорского надзора в исследуемой сфере, и Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5], выступающий базовым нормативным правовым актом, которым раскрываются основные права и гарантии субъектов избирательного процесса. Более того, в данной сфере действуют и акты,

принятые органами прокуратуры РФ в рамках своих полномочий (например, Письмо Генпрокуратуры РФ от 22.12.2003 № 36-12-03 «О Методических рекомендациях «Осуществление прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав граждан», которое является залогом осуществления единого порядка прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав граждан на всей территории РФ). Вместе с тем, правовая регламентация прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ имеет некоторые недостатки.

Анализ практики, которая демонстрирует реализацию органами прокуратуры РФ своих полномочий в исследуемой сфере, свидетельствует о том, что нарушения законодательства, действующего в рамках избирательного процесса, совершаются фактически всеми участниками и на всех стадиях (например, в рамках формирования списков избирателей, избирательных участков и комиссий, выдвижения и регистрации кандидатов на выборные должности, финансирования расходов на подготовку и проведение выборов, предвыборной агитации и т.д.). При этом непосредственно в день выборов достаточно часто встречаются такие нарушения как фальсификация избирательных бюллетеней, несоблюдение прав наблюдателей и др. [1, с. 23] Особенно актуально стало говорить о росте подобных нарушений в связи с цифровизацией избирательного процесса. Указанное обстоятельство, в свою очередь, актуализирует и проблему реализации прокурорского надзора в связи с затрудненностью в целом осуществления контроля за процессом выборов, которые проходят в рамках электронного пространства.

Так, законодатель наделил правом наблюдения за процессом дистанционного электронного голосования с по-

мощью специального программного обеспечения только ограниченный круг субъектов, в который органы прокуратуры РФ фактически не входят. Наблюдатели имеют специальные права, связанные, например, с возможностью ознакомления со списками участников ДЭГ и получения цепочек блоков информации распределенной базы данных, содержащей результаты волеизъявления участников ДЭГ и данные о его итогах [2, с. 32]. Данные права имеют концептуальное значение для соблюдения законности избирательного процесса. Как следствие, на наш взгляд, таким правом наблюдения за процессом дистанционного электронного голосования следует наделять и органы прокуратуры РФ путем дополнения п. 10.2 Постановления Центральной избирательной комиссии от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [4].

Главным образом необходимость внесения таких изменений связана с тем, что получить информацию о допущенных нарушениях в ходе ДЭГ органы прокуратуры РФ могут только посредством обращения граждан или же сообщений избирательных комиссий, что на практике встречается довольно редко. Вместе с тем, сам анализ практики правоприменения свидетельствует о том, что нарушений прав граждан в рамках ДЭГ совершается достаточно много, однако заявители сталкиваются с трудностями при защите своих прав и доказывании незаконности проведенного ДЭГ [3]. Как следствие, имеется необходимость в более оперативном получении информации о процессе ДЭГ и его результатах непосредственно органами прокуратуры РФ. В свою очередь, возможность осуществления надзора в данной сфере позволит извлечь все преимущества информатизации электорального процесса. При этом реализация прав и гарантий субъектов избирательного процесса будет в полной мере обеспечена органами прокуратуры РФ, которые смогут более своевременно выявлять и пресекать нарушения законодательства о выборах.

Кроме того, с учетом специфики проведения ДЭГ, представляется важным актуализировать методику проведения прокурорского надзора за соблюдением избира-

тельных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. В данной связи представляется целесообразным принятие новых методических рекомендаций, которые будут устанавливать особенности осуществления прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав граждан в свете использования ДЭГ.

Предлагаем дополнить и Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» самостоятельной главой, которая будет посвящена конкретизации в целом специальных полномочий прокурора в сфере выборов.

Таким образом, важное значение для реализации избирательных прав граждан РФ в соответствии с нормами закона занимает такая мера как прокурорский надзор. Однако его практическое воплощение на сегодняшний день имеет ряд проблем. Так, особую проблематику вызывает реализация прокурорского надзора в свете цифровизации избирательного процесса. В данном случае речь идет о ДЭГ. Проведенный анализ позволил выявить пробелы в правовом регулировании, которые мы предлагаем восполнить посредством внедрения следующих направлений:

- 1) Необходимо дополнить п. 10.2 Постановления Центральной избирательной комиссии от 08.06.2022 № 86/716-8 таким субъектом как органы прокуратуры РФ;
- 2) Представляется целесообразным принятие обновленных методических рекомендаций, посвященных прокурорскому надзору за соблюдением избирательных прав граждан в рамках ДЭГ;
- 3) Предлагаем дополнить Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» специальной главой, которая урегулирует специальные полномочия органов прокуратуры РФ по обеспечению законности в избирательном процессе.

Предложенные направления, на наш взгляд, имеют особую теоретическую и практическую ценность, поэтому могут быть успешно внедрены в законотворческий процесс и практику правоприменения.

Литература:

1. Гальченко, А.И. Осуществление прокурорской деятельности по защите избирательных прав граждан // Научный поиск. — 2017. — № 4.1. — с. 21-25.
2. Зуев, Р.О. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о выборах и референдуме в свете информатизации электоральных процессов: проблемы и перспективы // Сфера права. — 2022. — № 2. — с. 27-36.
3. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 № 88а-15046/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» // Вестник ЦИК России. № 5. 2022.
5. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Роль международного обычая в XXI веке

Обидов Муродуллохон Маруфжон угли, студент магистратуры
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва)

В статье автор проводит сравнительно-правовой анализ международных обычаев и иных источников международного права, поднимает вопрос актуальности и значимости международных обычаев в современности.

Ключевые слова: международный обычай, право, договор, конвенция.

Международные обычаи представляют собой «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», в соответствии со ст. 38 Международного суда ООН. Роль международных обычаев в становлении системы международного права, в истории международных отношений, невозможно переоценить. Это связано с тем, что основной этап кодификации (упорядочения) норм международного права пришелся на вторую половину XX века, когда были приняты несколько сотен универсальных международных документов в различных сферах взаимодействия государств, а также жизнедеятельности в отдельно взятом государстве, что соответствует общепризнанным принципам международного права. [2]

В системе источников международного права не имеется иерархии, в следствие чего, международные обычаи наравне с писанными документами обладают равнозначной юридической силой, но, при этом, необходимо отметить, что количество обращений к международным обычаям ежегодно уменьшался до недавнего времени. Формальной статистики нет, но история международных отношений и международных обычаев показывает, что устные договоренности, международные обычаи прошлого, со временем закрепляются в положении международного документа. При этом, закрепление в едином или нескольких документах не исключает прекращение действия международных обычаев, так как в договорных отношениях важно другое — волеизъявление государства, которое выражается, как правило, путем подписания, помимо других форм выражения согласия, предусмотренных в тексте Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года. [1]

Не все государства готовы становиться участниками того или иного соглашения, даже если предусматриваются «оговорки», — это связано с тем, что подписание документа влечет юридическую обязательность для исполнения его положения, нарушение которого, в свою очередь, влечет процессуальные меры (ответственность).

Сам факт подписания вышеуказанной Конвенции в 1969 году, а также наличие бесчисленного множества соглашений до его подписания является ярким подтверждением того, что до его принятия все нормы заключения, действия и прекращения действия международного договора осуществлялись в рамках международного обычая. Безусловно, для этого было важно соблюдение трех основополагающих критериев, а именно «общность» (*general*),

«единообразность» (*uniform*), «устойчивость» (*constant*). Первое подразумевает принятие его всеми участниками международных отношений, второе — единообразное применение на практике для исключения разного толкования единого текста разными участниками, последнее означает сохранение своего действия на протяжении длительного периода времени, которое, как правило, подразумевает несколько десятков лет.

Важность обычаев подчеркивается тем, что, например, в рамках международного торгового права изучаются вопросы международных торговых обычаев. В начале XX века создана специализированная организация — Международная торговая палата на регулярной основе публиковала сборник сведений о принятых в ряде стран обычаях и обычкновениях относительно базисов поставки товаров — «Торговые термины», в котором приведено 10 базисов поставки товаров в 18 странах мира.

Исследования, проведенные в середине XX века, показали неэффективность единообразного применения из-за наличия множества толкования государствами, в силу чего данным институтом были приняты Международные правила с целью унификации торговых терминов — «Инкотермс». [3]

В других отраслях международного права также имеются примеры унификации международных обычаев по вопросам их правового регулирования.

В современном же мире, международные обычаи важны еще и по нижеследующим причинам:

1. Не все государства хотят наложения на себя обязательств по уже имеющемуся международному соглашению;

2. Государства не пришли к согласию по принятию международного соглашения по определенному вопросу. Например, в настоящее время существует проблема принятия единообразного документа, регламентирующего вопросы статуса международных транспортных коридоров и связанных с этим коридором проблем, связанных с таможенными взиманиями, досмотром и иных пограничных мероприятий.

3. Государства еще не выработали механизмы регулирования по определенному вопросу в силу его новизны и технической сложности. Как правило, из-за этого, вопросы, связанные с освоением космических тел, еще остаются не до конца урегулированными. [4]

Таким образом, международные обычаи, ассоциирующиеся с историческим прошлым, становятся все акту-

альнее в условиях современного, меняющегося мира, в котором из года в год развиваются цифровые технологии, трансформируется экономика, торговля, образуются новые объекты правового регулирования.

Государства не успевают в одном случае принять соответствующие документы на международном уровне, либо же договориться по каждому договорному пункту, что подчеркивает сложность переговорного этапа

на стадии составления текста проекта международного соглашения. Все вышеизложенное подтверждает актуальность международного обычая и намечает тенденцию к его востребованности. Возможно, в рамках теории и научного дискурса будет образована концепция, зеркальной международным обычаям по времени, но отражающая сущность как источника права для применения в будущем.

Литература:

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 1969 года. — Текст: электронный // Официальный сайт ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 24.08.2023).
2. Статут Международного суда ООН. — Текст: электронный // Официальный сайт ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 24.08.2023).
3. «Инкотермс». Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов. Публикация ICC № 715. М., 2010. 274 с.
4. Асонова, Е. С. Теория нормотворчества и международное право / Е. С. Асонова, Т. Е. Зяблова, Я. Б. Комарова // Modern Science. — 2022. — № 3-1. — с. 98-104. — EDN ISWWDS.

Уголовная ответственность за разбой в зарубежных странах

Пеньков Никита Геннадьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Мещерякова Юлия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет

Следует отметить, что исследованию обозначенных нами вопросов занимались как отечественные, так и зарубежные ученые. В частности, основы уголовной ответственности за преступления (в том числе против собственности) заложили еще римские юристы. И только в XVI и XVII вв. вопросы уголовной ответственности за преступные посягательства на собственность начали освещать в литературе. В статье особое внимание уделяется рассмотрению уголовных кодексов зарубежных стран по вопросу ответственности за разбой.

Ключевые слова: разбой, хищение, уголовная ответственность, преступление.

Относительно мирового развития уголовной ответственности за разбой, то упоминание о таком виде преступления как разбой присутствует во многих древних источниках права. Только понятие «разбой» существовало не всегда, а данный состав преступления в историческом разрезе можно ассоциировать с такими уголовно-правовыми категориями, как «грабеж», «ограбление», иногда — «кража с отягчающими обстоятельствами» и др.

Справедливо можно считать, что первым прообразом разбоя была кража, что посягала на однородные с разбоем объекты. Стоит отметить, что ответственность за разбой не всегда предусматривалась в нормативно-правовых актах, а также в известных религиозных источниках [1, с. 65].

В частности, в Пятикнижии Моисея (имеется в виду первые пять книг Библии — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие) указывается о присвоении чужого имущества как преступлении против собственности. Кража считалась смертным грехом. Как понесенное наказание, лицо

обязалось вернуть похищенное, захваченное ли вверенное ему имущество владельцу в пятикратном размере, а также раскаяться в своем грехе перед Господом и хозяином имущества. Следовательно, наказание за данное преступление заключалось в реституции и штрафе. К тому же, виновный должен был искупить свой грех перед священником и принести в жертву барана. Также в Библии различается кража скота — быка и овцы. За данное преступление предусматривалась юридическая формула наказания в виде возмещения.

Непосредственно нормы о разбое были известны и зафиксированы еще в Вавилонском государстве, где они довольно эффективно применялись на практике. Широко трактовался разбой по законам царя Хаммурапи, где целый раздел был посвящен вопросам защиты собственности. Грабеж и разбой законодательно разграничены не были и считались одним преступлением.

В Древнем Египте преступлением против собственности являлась кража. Немало запретов на совершение

разбоя и смежных с ним преступлений содержалось в законодательном акте Древней Индии — законах Ману. Разбой отождествлялся с воровством и присвоением чужого имущества.

Древняя Афинская Держава характеризовалась сильным законодательным фундаментом. В ее законодательстве предусматривалась ответственность за разбой, хотя признаки этого преступления не раскрывались. Грабители и разбойники могли быть проданы в рабство, в качестве наказания.

Если же преступление было совершено в темное время суток — преступника дозволялось убить на месте. Смертная казнь не была самым тяжелым наказанием, самым строгим считалось лишение политических и гражданских прав. Дела об имущественных преступлениях могли рассматриваться в судах лишь по заявлению заинтересованной стороны. В целом при определении пределов наказания разбойнику суд руководствовался степенью тяжести совершенного преступления, наличием факта приготовления к его совершению, подстрекательством других лиц и покушением на совершение преступления [7, с. 272].

Римское право тоже сделало существенный шаг вперед в историческом развитии уголовной ответственности за разбой. По нашему мнению, все противоправные действия, предусмотренные Законами XII таблиц, можно разделить на несколько групп, выделив при этом группу против посягательств на собственность (имущественные деликты). К ним следует отнести кражу, грабеж, уничтожение или повреждение чужого имущества. В упомянутых законах определение субъекта имущественных преступлений несколько деформировалось — выделялся взрослый и несовершеннолетний преступник. За совершение данных преступных действий ночью взрослый вор (если был пойман) карался казнью на месте, если днем — бичеванием. Несовершеннолетний подвергался наказанию в виде бичевания или возмещения причиненного вреда в двойном размере.

Совсем иным было направление развития разбоя в восточной культуре. Интересным является также свод законов древнего периода «Тайхорью». Данный нормативно-правовой акт распространял свое действие на территорию Японии. Он содержал положения, касающиеся уголовного права. Преступления против собственности делились на кражи и грабежи, которые могли совершаться с применением насилия к потерпевшему. Каждый год уполномоченные органы должны были отчитываться перед государством через специального посыльного. В отчет входили обобщенные сведения о количестве грабежей и краж, а также лицах, которые их совершили. Давалась статистика о количестве арестованных грабителей, которые были приговорены к каторге или более тяжелому наказанию, с подробной записью по каждому из перечисленных преступлений и датой приговора [9, с. 244].

В период Средневековья (V-XVI в.) развитие уголовной ответственности продолжалось под воздействием

социально-экономических и политических событий. Например, японское уголовное законодательство рассматривало разбой как преступление против собственности, наряду с кражей и грабежом. За попытку совершения разбоя или грабежа виновный наказывался далекой ссылкой, если же эти преступления сопровождалось убийством потерпевшего — преступник наказывался смертной казнью путем отсечения головы. Таким образом, состав разбоя не растолковывался, а средневековое законодательство акцентировало внимание на типизации преступлений и наказании за них.

Уголовное право Франции в этот исторический период выделяло кражу как родовое понятие всех преступлений против собственности. Кража относилась к тяжким преступлениям, уголовно-правовая санкция за которые была предусмотрена в виде смертной казни. Что касается уголовного права Англии, то в XII-XIII вв., разбой как отдельный состав преступления предусмотрен не был, поэтому ответственность за него ассоциировалась с ответственностью за смежные составы преступлений — грабеж и кражу.

Известный нормативно-правовой акт Германии — процессуальное уложение Карла V Каролина 1532 г. относило разбой к категории нарушений «земского мира», которые в свою очередь составляли группу государственных преступлений и карались, соответственно, смертной казнью.

Новый толчок уголовному законодательству об ответственности за разбой оказал исторический период Нового времени, который, к тому же, характеризовался повышением правовой культуры человечества. Так, в УК Франции 1810 г. разбой предусмотрен не был, но упоминалась кража с применением насилия, или угрозой его применения либо с использованием оружия. Кража относилась к группе преступлений и проступков против собственности. При совокупности таких обстоятельств кража каралась смертной казнью (ст. 381) или пожизненными каторжными работами [6, с. 131].

В конце XIX — начале XX в. уголовное законодательство Европы подверглось глобальной кодификации, где среди противоправных посягательств на собственность было прямо указано о разбое. Это преступление было криминализованным и в кодифицированном уголовном законодательстве США 1873-1877 годов. В дальнейшем законодатель расширил нормы об ответственности за разбой. В 1916 г. в связи с ростом количества совершенных посягательств на собственность граждан был принят Акт о краже, к которому составители включили 73 ранее принятых уставов. Данный документ предусматривал ответственность за все имущественные преступления, в том числе разбой. Итак, в целом уголовная ответственность за разбой в последний из указанных исторических периодов претерпела значительные изменения.

В тогдашнем уголовном законодательстве иностранных государств была дана дефиниция этого преступления, правда, с некоторыми вариациями, а также

гуманное уголовное наказание. Преимущественно национальными законодателями был взят курс на усовершенствование, расширение, детализацию и гармонизацию всех норм, которые предусматривали уголовную ответственность за совершение преступлений против собственности.

В уголовных кодексах многих европейских государств кражей признается как тайное, так и открытое похищение чужого движимого имущества, а разбоем (уголовные кодексы Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Швейцарии, Австрии, ФРГ, Италии, Швеции) или грабежом (уголовные кодексы Болгарии, Албании, Голландии, Норвегии, Испании), — похищение чужого движимого имущества, соединенное с насилием или угрозой насилия, при этом понятие «грабеж» и «разбой» одновременно не употребляются [3, с. 29].

Так, УК Латвии кражей признает, как тайное, так и открытое похищение чужого движимого имущества, разбоем — похищение чужого движимого имущества, сопряженное с насилием или угрозой насилия, а понятия «грабеж» не содержит. Хищение путем кражи, разбоя или грабежа, мошенничества или присвоения специальных видов имущества (предметов, которые имеют большую научную, культурную или историческую ценность, оружия, боеприпасов, ядовитых, радиоактивных веществ и тому подобное), а также уничтожение или повреждение отдельных видов имущества, в отдельные статьи или параграфы разных разделов (глав) Особенной части не выделяется, а определяется как квалифицированный вид похищения (уничтожение или повреждение) (уголовные кодексы Латвии, Эстонии, Болгарии, Австрии, ФРГ, Италии, Испании).

Кроме того, законодатели европейских государств, как правило, не приравнивают к смерти человека любые другие последствия физического, а тем более имущественного, организационного и т. п. характера. Смерть человека, с одной стороны, и нанесение нескольким лицам средней тяжести телесных повреждений, большой имущественный вред или перерыв в обеспечении потребителей услугами связи, с другой, отнюдь не могут стоять в одном ряду, ведь это неуважение к высшей ценности — жизни человека.

Спецификой федерального уголовного законодательства США является то, что оно четко не разграничивает между собой понятия «грабеж» (прежде всего насильственный) и «разбой». Зато эти два преступления связаны между собой единым понятием «робери» (robbery), которое в отечественной юридической литературе переводится как «ограбление».

Ограбление является, прежде всего, насильственным (по способу) преступлением, что подтверждает классификация Федерального Бюро Расследований (ФБР), а, следовательно, одним из опаснейших посягательств на собственность. Также следует акцентировать внимание на указании в американском уголовном законодательстве о наличии оружия при совершении ограбления, что зна-

чительно влияет на степень его тяжести и на дальнейшую квалификацию [8, с. 132].

В современных условиях в подавляющем большинстве стран, независимо от типа правовой семьи, разбой является законодательно закрепленным в качестве преступления против собственности, причем, учитывая его повышенную опасность не только для лица, но и для общества, он признается наиболее опасным общественным деянием в этой группе преступлений. Принимая во внимание его общественную опасность, самый высокий уровень насилия и повышенную агрессивность, в некоторых национальных законодательствах, приготовление к разбою рассматривается как отдельный состав преступления, за который предусмотрена уголовная ответственность, например, в ст. 237 УК Японии [5, с. 50].

Фактически во всех национальных уголовных законах подается дефиниция понятия разбоя, но с разной степенью конкретизации, разным содержанием и объемом его легального толкования. При этом существенно отличаются квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. Стоит обратить внимание на особенности перевода иностранных кодексов на русский язык, поскольку, в некоторых уголовных законах под понятием «грабеж» кроются признаки состава разбоя, а значит необходимо анализировать дефиниции соответствующих понятий.

К романо-германской (континентальной) правовой семье относятся государства, которые сформировались на основе римского права, это большинство современных европейских стран (таких как Франция, ФРГ, Испания, Италия, Польша, Швейцария и др.), а также государства-участники СНГ. Исторически сложилось, что наиболее типичными и последовательными представителями этой правовой семьи являются ФРГ и Франция, так как данные страны подлежали минимальному влиянию иностранных государств — представителей других правовых семей.

Если рассмотреть центральное понятие любой правовой системы, а именно термин «преступление», то в одних законах он хотя и сформирован, но по своему характеру является формальным, то есть определяет главный признак отличия преступления от иных правонарушений — запрет совершения соответствующих деяний под угрозой уголовного наказания, а в других уголовных законах отсутствует и для его выяснения следует обращаться к доктринальным источникам. Так, например, согласно §12 УК ФРГ преступлениями являются противоправные деяния, за которые в качестве минимального наказания предусмотрено лишение свободы на срок не менее одного года или более строгое наказание 80.

В свою очередь, французские юристы полагают, что преступление — это деяние, которое нарушает уголовный закон или такое, что предусмотрено и карается уголовным законом. Относительно субъективной стороны состава преступления, а именно вины, то различаются две формы вины — умысел и неосторожность. Также определенное сходство законодательных положений касается и понятия вменяемости лица и его критериев. На-

пример, по французскому уголовному законодательству для признания лица вменяемым необходимы медицинские (отсутствие психического или нервно-психического расстройства) и психологические (наличие способности осознавать или контролировать свои действия) критерии [2, с. 117].

Также стоит учитывать значение термина «разбой», хотя в большинстве уголовных законов собственно такое название и употребляется, все же есть исключения. Например, в УК Франции подобный состав преступления называется кражей с отягчающими признаками (обстоятельствами) (ст. ст. 311.6-311.8 УК Франции), хотя субъективные и объективные признаки данного преступления существенно не отличаются.

Система уголовного законодательства романо-германской правовой семьи об охране собственности (учитывая и нормы об ответственности за совершение разбоев) исследована отечественными учеными неполно и недостаточно.

Особенностями англо-американской (данную правовую семью иногда называют «англо-саксонской») правовой семьи является обычно отсутствие кодифицированного законодательства, что значительно усложняет поиск нужной нормы. Для этой правовой семьи характерным, кроме обычного права, является правовой прецедент. Представителями являются Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. 81

Понятие преступления в правовых системах государств этой правовой семьи вовсе отсутствует, или в кодексах изложено его формальное значение. Так, в английском праве определения этого понятия в традиционном понимании не существует. Под ним понимается ущерб, вызванный деянием государству и общественным интересам. Отсутствует в этом праве и исчерпывающий перечень преступлений, поскольку английское уголовное право остается не кодифицированным. Считается, что оно насчитывает в целом более чем семь тысяч составов преступлений. Однако в большинстве современных уголовных кодексов штатов США содержится формализованное определение преступления — деяние, которое запрещено нормами уголовного права под угрозой наказания.

Относительно определения разбоя как преступления против собственности, то в уголовном законодательстве США существует своя собственная теория. К тому же стоит обратить внимание на особенности перевода ряда юридических терминов с английского на русский язык, ведь при этом часто не учитывают их уголовно-правовые особенности. В частности, английский термин «robbery» переводят не только как разбой, а как грабеж, ограбление, кражу с применением насилия, грабеж с применением насилия, обкрадывание, или просто кражу [4, с. 300].

Что касается государств мусульманской правовой семьи, то для них характерным является тесная связь закона с религией, что является сочетанием правовой и нравственной в жизни государства, и общества. Му-

сульманское право сохраняет важное значение регулятора, вследствие чего, при изучении особенной части уголовного права, невозможно не обратиться к вопросам общей части в этой правовой семье.

В основу понятия преступления (в более широком значении — правонарушения) по мусульманскому уголовному праву было положено две принципиальные идеи: во-первых, все поступки людей возникают по воле Аллаха, но Бог во многих случаях позволяет человеку самостоятельно выбирать конкретные варианты своего поведения, вследствие этого любой серьезный поступок рассматривается как нарушение мусульманских запретов, что наказывается; во-вторых, преступление — это непослушание воле Аллаха. Поэтому преступление рассматривается не только как преступное поведение, но и как грех.

Разбой относится к первой категории преступлений (согласно трехуровневой классификации). Данные преступления представляют наибольшую общественную опасность потому, что они посягают на «права Аллаха» и наказываются точно определенной санкцией (например, отсечением руки, забиванием камнями, смертной казнью и четвертованием).

Для дальневосточной правовой семьи (яркими, хотя не единственными, представителями которой являются Китай и Япония) характерным является исторически сложившаяся структура права. Что касается понятия преступления, то действующий УК Японии реализует концепцию, по которой преступлением считается умышленное действие, только как исключение из этого правила в нем предусмотрена ответственность за некоторые неосторожные преступления, которая стойко следует историческим правовым традициям. Характерна жестокость уголовно-правовой санкции за разбой.

Относительно мирового развития уголовной ответственности за разбой, то упоминание об этом преступлении содержится во многих древних источниках, начиная с Библии. Для каждого отдельного государства характерно свое развитие уголовно-правовых положений о разбое, хотя общей чертой является то, что он всегда признавался преступным деянием и строго карался уголовно-правовыми санкциями. Правда сначала разбой был связан с кражей и не отстранялся от нее (Пятикнижие Моисея), а уже в Вавилонском государстве широко трактовался в законах царя Хаммурапи, которые эффективно применялись на практике. В становлении разбоя как преступления против собственности значительный шаг вперед сделали юристы римского права (Законы XII таблиц), в котором наблюдается дифференциация уголовной ответственности в зависимости от субъекта преступления: несовершеннолетний или совершеннолетний.

Дальнейшее развитие норм об уголовной ответственности за разбой происходило под влиянием национальных культур, политических событий в государствах, роста правовой культуры граждан и других факторов социальной и культурной жизни населения.

Литература:

1. Абдулин, Р. С., Бойко Д. А. Зарубежный опыт разграничения понятий «грабеж» и «разбой» // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки. — 2023. — с. 63-68.
2. Гринько, М. А. История государства и права зарубежных стран: учебно-методическое пособие/М. А. Гринько, Л. Л. Кофанов, О. Л. Лысенко; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 320 с.
3. Довгань, Е. А., Биднюк Н. В., Белова С. Н. Ответственность за кражу в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран // Закон и право. — 2022. — №. 2. — с. 28-30.
4. История государства и права зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»/Н. В. Михайлова, А. А. Иванов, Г. Ю. Курскова [и др.]; под ред. Н. В. Михайловой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 599 с.
5. Кобец, П. Н. Назначение и исполнение уголовных наказаний в современной Японии: правовые и организационные аспекты // Вестник Кузбасского института. — 2022. — №. 2 (51). — с. 44-55.
6. Майстренко, Г. А. Уголовная ответственность за разбой: теоретико-правовые аспекты // Право и управление. — 2022. — №. 8. — с. 129-132.
7. Майстренко, Г. А. Уголовные наказания за разбой и проблемы их реализации // Образование и право. — 2022. — №. 7. — с. 270-273.
8. Палагина, Н. С., Бровкин Д. В., Белова С. Н. Законодательство некоторых зарубежных стран и уголовная ответственность за кражу // Государственная служба и кадры. — 2021. — №. 4. — с. 131-133.
9. Стрелков, Д. А. Понятие хищения в законодательстве зарубежных стран (На примере Турции, Англии и Китая) // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. — 2021. — с. 244-245.

Допустимость прощения долга между коммерческими организациями

Просвиркина Ирина Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается вопрос о возможности заключения соглашения о прощении долга между коммерческими организациями. Приведен анализ судебных решений, в каких случаях прощение долга признается недействительным, а в каких — состоявшимся.

Ключевые слова: прощение долга, дарение, возмездность, коммерческие организации, прекращение обязательств.

Прощение долга является одним из способов прекращения обязательств. Гражданский кодекс устанавливает, что обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора [1]. По юридической конструкции прощение долга схоже с дарением, так как одним из видов дарения является освобождение одаряемого дарителем от имущественной обязанности перед собой. При этом, подпунктом 4 пункта 1 статьи 575 Гражданского кодекса Российской Федерации установлен запрет на дарение между коммерческими организациями. Таким образом, актуальным является вопрос, возможно ли прощение долга, так схожим с дарением, между коммерческими организациями.

Прямого запрета в Гражданском кодексе Российской Федерации не установлено, однако судебной практикой выработан подход, когда прощение долга признается дарением между юридическими лицами и является недействительным. Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых во-

просах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» закрепляет, что «прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника [2]. Об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непрощенной части и т. п.), достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т. п.

Отношения кредитора и должника по прощению долга квалифицируются судом как дарение только в том случае, если будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара (пункт 3 статьи 423 ГК РФ). В таком случае прощение долга должно подчиняться запретам, установленным статьей 575 ГК РФ, пунктом 4 которой, в частности, не допу-

скается дарение в отношениях между коммерческими организациями».

Вышеуказанный вывод последовал из ситуации, которая была рассмотрена Высшим арбитражным судом РФ (пункт 3 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств») [3]. Так, ответчик, получив от истца денежные средства по договору займа, обязался в установленный договором срок возвратить сумму займа и уплатить проценты за пользование денежными средствами. Поскольку заемщик не выполнил своевременно своих обязанностей, заимодавец направил в его адрес письмо с требованием возвратить сумму займа, указав при этом, что в случае исполнения данного требования заимодавец освобождает заемщика от уплаты процентов за пользование денежными средствами и неустойки за несвоевременный возврат суммы займа. Заемщик сумму займа возвратил, при этом указал на отсутствие у него обязанности уплатить проценты и неустойку, так как данные обязательства прекращены прощением долга.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, мотивировав свое решение тем, что прощение долга, совершенное заимодавцем, является ничтожным, не влечет каких-либо последствий, поэтому обязанность заемщика уплатить проценты по договору займа и неустойку за несвоевременный возврат суммы займа не прекратилась.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и в иске отказал, указав, что целью совершения сделки прощения долга являлось обеспечение возврата суммы задолженности в непросщенной части без обращения в суд, то есть у кредитора отсутствовало намерение одарить должника.

Таким образом, высшие суды РФ закрепили условия, когда прощение долга является допустимым между коммерческими организациями и не признается дарением:

1. отсутствие намерения кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара. Данное обстоятельство является ключевым для ограничения прощения долга от договора дарения. Суды отметили, что освобождение должника от долга не является даром в случае, если есть взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству между теми же лицами; достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, то есть кредитор, прощая долг, должен получить что-либо взамен.

2. отсутствие нарушения прощением долга прав третьих лиц в отношении имущества кредитора. Это общее правило, согласно которому кредитор имеет право самостоятельно распоряжаться имуществом, не ущемляя прав других лиц, в частности, необходимо оценить, не является ли сделка по прощению долга для юридического лица крупной и/или с заинтересованностью, когда может потребоваться ее одобрение советом директоров, общим со-

браением или иным органом (ст. ст. 79, 83 Закона об АО, ст. ст. 45, 46 Закона об ООО).

В судебной практике встречались следующие случаи, когда прощение долга между коммерческими организациями не было признано дарением и являлось допустимым:

1. целью соглашения о прощении долга являлось досрочное обеспечение возврата суммы задолженности без суда. Так, суд резюмировал об отсутствии в соглашении признаков дарения, так как долг прощен только в части, а целью соглашения являлось досрочное обеспечение возврата суммы задолженности по договору купли продажи в непросщенной сумме без обращения в суд. Кроме того, сумма прощенного долга не имеет значения, если стороны имели цель возвращение оставшейся суммы долга вне судебной процедуры [4]. В другом деле суд указал: если целью совершения сделки прощения долга является обеспечение возврата суммы задолженности в не просщенной части без обращения в суд, то такая сделка не может быть признана договором дарения [5].

2. решение о прощении долга принято с инвестиционными целями. Так, сторонами согласовано, что в целях увеличения чистых активов должника и с целью повышения его инвестиционной привлекательности кредитор освобождает должника от исполнения обязанностей. Прекращение обязательств должника перед заимодавцем по договору займа, осуществляется с целью увеличения чистых активов должника, которое направлено на улучшение структуры баланса, инвестиционной привлекательности компании-должника и привлечения стороннего финансирования. Суды указали, что в рассматриваемом случае прощение долга не имело целью дара [6].

3. общество преследовало разумный экономический интерес, направленный на получение имущественной выгоды от сохранения на финансовом рынке находящегося под его частичным контролем общества в качестве действующего участника. Как установили суды, общество являлось крупнейшим акционером публичного акционерного общества, которое, в свою очередь, владело акциями коммерческого банка. Банк России вынес предписание о необходимости доформирования резервов коммерческого банка. В связи с этим общество, являющееся одним из конечных бенефициаров банка, приняло решение об оказании кредитной организации финансовой помощи в виде прощения долга. Следовательно, прощая долг по договорам субординированного депозита, общество преследовало разумный экономический интерес, направленный на получение имущественной выгоды от сохранения на финансовом рынке находящегося под его частичным контролем коммерческого банка в качестве действующего участника. Этот экономический интерес, вопреки выводам судов, не был направлен на уменьшение активов общества, наоборот, оно пыталось повысить ликвидность акций коммерческого банка, от которой зависела ликвидность принадлежащего обществу пакета

акций публичного акционерного общества. Действия общества не противоречили интересам его кредиторов [7].

Судами прощение долга признается дарением в случае, если кредитор не получает никакой имущественной выгоды. Так, судом был сделан вывод, что кредитор (истец) в соглашении о реструктуризации задолженности отказался и от права требовать оплаты выполненных работ (основного долга), и от права требовать уплаты неустойки и прочих штрафных санкций (обеспечения обязательства), т.е. по сути, данное соглашение никакой имущественной выгоды для кредитора не предполагает. Следовательно, в части отказа от права требовать оплаты стоимости выполненных работ (основного долга) указанное соглашение является ничем не обусловленным прощением долга, что следует рассматривать как дарение, которое в отношениях между коммерческими организациями запрещено [8].

В другом деле суд не согласился с выводами нижестоящего суда о том, что выкуп у организации товара взамен прощения долга является имущественной выгодой. Суд указал: ссылка ответчика на то обстоятельство, что истец получил в дальнейшем имущественную выгоду в виде стимулирования покупателя к направлению заявок на приобретение виноматериала и, как следствие, получение права на реализацию своей продукции в большем объеме, судом отклоняется, поскольку юридические лица свободны в заключении договора, и апелляционный суд не усматривает какой-либо причинно-следственной связи между Соглашением о прощении долга и заключением между истцом и ответчиком в последующем сделок по поставке товара [9].

Таким образом, в отношениях между коммерческими организациями сохраняется возможность прощения долга исключительно на возмездной основе, однако в статье 415 ГК РФ данное условие не указано [11].

Как показывает судебная практика, коммерческие организации могут использовать прощение долга только в том случае, если они получают что-то взамен, то есть имеют цель получить имущественную выгоду или иной экономический интерес: досрочный возврат денежных средств, возврат части денежных средств в досудебном порядке, сохранение на рынке контролируемого общества и т.п. Является ли прощение долга дарением или нет — может решить только суд, проанализировав и оценив все обстоятельства дела, позволяющих выяснить, на достижение каких правовых последствий была направлена воля кредитора [12].

Следовательно, стороны при оформлении соглашения о прощении долга должны особо тщательно подходить к его оформлению, а для этого они должны знать все предъявляемые требования. Так как в отношениях между коммерческими организациями при прощении долга должен присутствовать признак возмездности, предлагаем внести в статью 415 ГК РФ изменения, дополнив ее пунктом 3 следующего содержания: «прощение долга между коммерческими организациями возможно только в том случае, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника». В таком случае коммерческие организации будут знать, на что им обратить внимание в первую очередь при прощении долга, включая в соглашения формулировку о том, какое встречное удовлетворение получит кредитор, прощая долг [10].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета, № 136, 25.06.2020.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // Вестник ВАС РФ», № 4, 2006 (Обзор).
4. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 18.04.2012 по делу № А03-10545/2010. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017 № 09АП-47355/2017 по делу № А40-222089/15. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.06.2021 № Ф05-11651/2021 по делу № А41-47411/2020. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2020 № 306-ЭС19-2986 (5) по делу № А65-27205/2017. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
8. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2015 № 04АП-3165/2015 по делу № А58-8295/2014. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
9. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.12.2022 № 15АП-19473/2022 по делу № А32-53879/2021. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

10. Дячук, М. Прощение долга: как правильно оформить соглашение // Юридический справочник руководителя. 2022. № 3. с. 44-49.
11. Матвиенко, С. В. Прощение долга и договор дарения: проблемные вопросы правоприменения // Закон. 2012. № 11. с. 155-159.
12. Рыженков, А. Я. Прощение долга как юридический факт в гражданском праве // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. с. 174-178.

Добросовестность сторон при проведении переговоров до заключения договора

Смирнова Юлия Валерьевна, аспирант
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Научный руководитель: Эриашвили Нодари Дарчоевич, доктор экономических наук, профессор
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Рассмотрены вопросы недобросовестного поведения заказчика в ходе переговоров о заключении договоров и исполнения обязательств.

Ключевые слова: добросовестность, договор, недобросовестное поведение, купля-продажа, предмет договора, услуга.

The conscience of the parties during negotiations before the conclusion of the contract

The article considers the issues of unfair behavior of the customer during negotiations on the conclusion of contracts, fulfillment of obligations.

Keywords: good faith, contract, unfair behavior, purchase and sale, subject of the contract, service.

Эмоциональные споры и яркие дискуссии вызывают сущность и содержание понятия «добросовестности» в гражданском праве уже долгое время.

Принцип добросовестности является основным началом гражданско-правовых отношений в п. 3 ст. 1 ГК РФ и его применение в других нормах правовых отношений, говорят о его фундаментальности в гражданском обороте.

Исходя из п. 4 ст. 1 ГК РФ следует, что субъекты гражданских правоотношений не могут извлекать преимущества из недобросовестного и незаконного поведения.

Пунктом 1 ст. 10 ГК РФ закреплено понятие «злоупотребление правом», в которое в полной мере входит позиция по недопустимости действий, касающихся по причинению вреда иному участнику правоотношений, действия лица в обход закона, иная заведомо недобросовестная деятельность. Иными словами, недопустим умысел недобросовестного поведения участниками гражданского оборота.

Однако, данная трактовка раскрывается в законе не в полной мере. Считаем, что норма требует непосредственного включения перечня типичного недобросовестного поведения со стороны участников для более полной трактовки некоего «умысла» в недобросовестном поведении сторон.

Безусловно, споры над понятием «недобросовестности» стороны договора ведутся в основном путем формирования судебной практики, на основании которой можно сделать выводы о том или ином конкретном случае проявления «умысла» или «недобросовестности» действий участников в ходе выполнения обязательств.

Анализ нормативно-правовой базы говорит о том, что попытки формирования более полного понятия ведутся, путем регламентации правового механизма, однако работа над глубиной этой проблемы все еще остра и обширна.

Острота проблемы заключается по большей части в самой реализации принципа добросовестности, так как этот вопрос касается любых гражданских прав, а не только тех, которые сформулированы в законе.

Если говорить о недобросовестности в договорных правоотношениях, то это понятие представляет собой умышленное недобросовестное поведение, направленное на извлечение выгоды одной стороной договора, при котором нарушаются права и интересы противоположного участника сделки.

В виду положения п. 4 ст. 10 ГК РФ если злоупотребление правом нарушает права субъекта гражданских правоотношений, то он может предъявить требование компенсировать причиненные убытки.

Из чего следует, что, если при заключении сделки установлено злоупотребление правом, она может быть признана недействительной.

В ситуациях, когда соглашение нарушает требование недопустимости злоупотребления правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ), сделка считается не соответствующей требованиям закона (ст. 168 ГК РФ).

Участники правоотношений, имеющие намерения заключить договор, осуществляют действия, направленные на возникновение юридической связи между ними.

Данные действия включают в себя формирование у сторон целей и задач, предмета и последствия сотрудничества. Регулирование перечисленных действий производится посредством установленных законом правовых инструментов.

Следовательно, добросовестные действия сторон договора должны находить свое отражение на различных стадиях данных взаимоотношений.

Положения статьи 434.1 ГК РФ устанавливают взаимодействие сторон в процессе осуществления переговоров о заключении договора, включая вопросы преддоговорной ответственности, которая определяет последствия неправомерного поведения, нарушающего интересы участников на преддоговорном этапе, когда соглашение еще не достигнуто, но намерения на его заключение уже существуют.

То есть само по себе неправомерное поведение одной из сторон уже может повлечь за собой последствие, направленное на восстановление прав потерпевшего субъекта (упущенная выгода, понесенные убытки и компенсация, заключение соглашения и проч.), т.е. либо на дальнейшее развитие правоотношений сторон, либо на восстановление положения потерпевшего, которое существовало в тот момент, когда договор еще не заключен, а этап преддоговорных переговоров уже возник.

Данная правовая конструкция используется сторонами — контрагентами с единственной целью — обеспечение безопасности в случае не заключения основного договора.

Безусловно, стороны свободны в процессе ведения переговоров и не отвечают, если соглашения между сторонами так и не достигнуто, иное устанавливается законом, либо условиями договора.

Формирование судебной практики определенной направленности в рамках последствий для сторон позволяет сделать вывод о том, что в конечном итоге, сторона, отказавшаяся от заключения договора, может в последующем оказаться стороной спора о возмещении убытков.

То, как складывается судебная практика и какие могут наступить последствия для сторон, становится не очень комфортно, потому что по итогу сторона, отказавшаяся от заключения договора, может в последующем оказаться участником спора о взыскании убытков.

При этом часть судебной практики приходит к выводу о том, что само по себе незаключение договора нельзя

признавать недобросовестным поведением или злоупотреблением правом.

Для оценки собственного поведения на этапе проведения переговоров и с целью обезопасить себя как участника преддоговорного процесса следует:

— Оценить, распространяются ли правила и положения ст. 434.1 ГК РФ на недобросовестные действия в рамках проведения переговоров.

— Если есть такая возможность не вступать в параллельные переговоры.

— При проведении параллельных переговоров, следует уведомить об этом потенциального контрагента.

— Если преддоговорные отношения носят неординарный характер, подобный факт следует закрепить в соглашении о ведении преддоговорной работе.

— Если этап переговоров закреплен соглашением сторон, то стоит также рассмотреть вопрос об утверждении сроков согласования и внесения правок в основной договор на каждой стадии переговоров, порядок рассмотрения, утверждения и подписания документов, а также возможные санкции за недобросовестный выход из переговоров.

Следует учитывать также, что Положение о преддоговорной ответственности неприменимо к некоторым видам договоров

С одной стороны, это освобождает контрагентов от ответственности в случаях отказа от заключения соглашения, но если переговоры проводились без намерения заключить договор, то правила указанной нормы ГК РФ регламентируют негативные последствия. До введения ст. 434.1 ГК РФ участники гражданских правоотношений могли проводить переговоры по своему усмотрению без возможности возникновения негативных последствий. Сегодня такая свобода в стадии ведения переговоров ограничивается. Нормы п. 2 ст. 434.1 ГК РФ предусматривают обязанность участников осуществлять деятельность добросовестно на этапе переговоров. В настоящее время сформулирован приблизительный перечень недобросовестной деятельности участников:

1) предоставление субъекту неполной либо недостоверной информации, связанной с фактами, которые должен знать контрагент;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Правила п. 3 ст. 434.1 ГК РФ определяют, что участник, прерывающий переговоры о заключении соглашения недобросовестно, должен компенсировать противоположной стороне убытки. Нормы ст. 15 ГК РФ раскрывают понятие убытков применительно к указанной стадии — это расходы, которые производятся участником по поводу осуществления переговоров о возникновении основного соглашения и относительно утраты достижения соглашения с другими участниками.

Положения п. 5 ст. 434.1 ГК РФ закрепляют, что переговорный процесс, направленный на достижение соглашения, по сути, может считаться предметом самостоятельного гражданско-правового договора. Например, Банальный обман на переговорах — уже недобросовестное поведение. И когда это влечет убытки для другой стороны, наступает преддоговорная ответственность.

Договорные правоотношения позволяют участникам заключить договор, связанный с процессом переговоров. Такое соглашение может включать требование действо-

вать добросовестно в ходе переговоров, предусматривать процедуру распределения расходов на данном этапе и иные правила. Данное соглашение может содержать условие о запрете осуществления переговоров с другими лицами в течение конкретного срока ведения переговоров, условие о процедуре раскрытия информации, вопросы конфиденциальности сведений, полученных в процессе переговоров, и т. п. Участники вправе предусмотреть обязанность по уплате неустойки, если нарушения в договоре касаются правил ведения переговоров.

Литература:

1. Resolutions of the AC SZO dated July 26, 2019 in case N A56–39216/2018, AC UO dated August 07, 2019 in case N A50–31575/2018, dated July 22, 2019 in case N A47–6650/2018, 8AAC dated March 20, 2018 to case N A46–13937/2016).
2. The provision on pre-contractual liability is not applicable to certain types of contracts (Resolution of the AS ZSO dated July 10, 2018 in case N A46–13939/2016).
3. Постановления AC C3O от 26.07.2019 по делу N A56–39216/2018, AC УО от 07.08.2019 по делу N A50–31575/2018, от 22.07.2019 по делу N A47–6650/2018, 8AAC от 20.03.2018 по делу N A46–13937/2016).
4. Положение о преддоговорной ответственности неприменимо к некоторым видам договоров (Постановление AC C3O от 10.07.2018 по делу N A46–13939/2016).

ИСТОРИЯ

Свадебные обряды узбекского народа (на примере Ташкентского оазиса)

Бобожонов Шавкат Улугбекович, младший научный сотрудник, доктор философии по историческим наукам
Музей Ташкента, филиал Государственного музея истории Узбекистана

В статье приведен научный анализ материала полевых исследований традиционных и современных свадебных мероприятий.

Ключевые слова: калым, жених друзей, плов жениха, девяти блюдах, утренний плов, приветствия невестой, вызов жениха.

С древних времён существуют свадебные обычаи и традиции, они сплелись воедино с традициями доисламского периода и обычаями, возникшими после установления ислама. До исламизма они носили больше магический характер. До сих пор в свадебных традициях встречаются элементы зороастризма: например, чтобы сохранить молодых от дурного глаза и порчи жениха и невесту заставляют несколько раз обойти костёр, когда ведут молодых в дом над ними держат покрывало. Все эти обычаи выполнялись с пожеланиями счастья молодым. Для того, чтобы жизнь была сладкой, изобильной и богатой над головами жениха и невесты рассыпали монеты и сладости. Чтобы в семье было много детей на колени жениха сажали малыша, в подол невесты и полу халата жениха сыпали вареные яйца. До наших дней сохранились такие обычаи, которые выполняются вместе со всеми родственниками и соседями: *корпа кавиши* — шитьё и простегивание ватных одеял и *курпачи* (матрас) для постели молодых; *маслахат оши* (угощение тем, кто собрался на совет как провести свадьбу); *сабзи туграр* — резка моркови для свадебного плова (приглашались соседи мужчины); *мол ёяр* — развешивание приданого невесты, чтобы показать всем родственникам и соседкам приданое невесты (приглашали женщин).

Никах той — свадебные церемонии в основном длятся 3 дня: первый день — *маслахат оши* — (собирают старейшин рода близких родных и советуются как лучше организовать свадьбу, кто что принесет); второй день — собственно свадьба; третий день — *шукрона ош* (вечер благодарения). В некоторых регионах в определенные дни недели подряд шли свадебные мероприятия, например, в пятницу — помолвка, в субботу — предсвадебные торжества, в воскресенье Никах той свадебный вечер, как правило в ресторанах [1].

Подготовка к свадьбе начинается уже с того момента, когда выбрали невесту и идут к ней домой свататься.

Женщины сваты посредством традиции «*киз кориши*», «*уй кориши*» обращали внимание на их дом на внешность девушки. Женщины сваты, чаще всего это близкие родственницы жениха придя в дом потенциальной невесты осматриваются, запоминая в каких условиях росла девушка, во время смотрин обращают внимание на внешность девушки, как она одета, на её поведение, обращают внимание на ее родных. В отличие от Ташкента в Намангане свататься шли мужчины. Когда невеста была выбрана выполняется обычай «*нон синдириши*», «*нон ушатии*» (поломать лепешку) в других местах «*оклик олди*», где в дом девушки приглашались почтенные пожилые женщины и как символ единства двух семей ломали лепешку [13, с. 261]. Если обе стороны устраивает все, то кто-то из пожилых сватов ломают лепешку, что означает — эти две семьи породнятся. В Ташкенте этот обычай уже проводится вместе с помолвкой. В день помолвки сторона жениха отправляет в дом невесты калым и подарки родителям девушки.

В современном обществе помолвка проводится за месяц до свадьбы. Это мероприятие называется «*той кесар*», проводится в доме невесты и здесь родителям девушки вручают калым. Это символическая плата за материнское молоко и в настоящее время это порядка 7-10 млн. сум (около 1000 долларов). Калым кладут в специальную деревянную шкатулку, и кто-нибудь из пожилых родственников жениха отдаёт её одному из родственников невесты. Помимо этого, сторона жениха отправляет в дом невесты 20-30 коробок с халвой, слоенными лепёшками и сладостями. По окончании мероприятия эти коробки дарят близким родственникам невесты.

У некоторых народов, живущих в Узбекистане в кишлаках, сохранился обычай хищения девушек. В Ташкентском регионе у казахов хищение проводят с согласия девушки. Потом девушка писала письмо родителям прося

прощения и благословения. Получив письмо, родные девушки организовывали погоню, Это были «кувгинчилар». Сторона жениха просит у них прощения и приглашает в гости, готовит им угощение [3]. У киргизов, живущих вблизи Ташкента, если похищенная девушка соглашается накинуть на себя белый платок считается, что надо готовиться к свадьбе. Приехавшие за девушкой «кувгинчи» получали подарки и деньги и соглашались стать сватами. У турков тоже оригинальные интересные традиции, связанные со сватовством [4]. Обычай хищения невесты есть и у турков. У них основную роль представителя играют отец и мать. Девушка выходит с красным поясом, символом непорочности. Друг жениха спрашивает: *что будем резать — язык невесты или сердце?* Если ответ — язык, значит она никогда в жизни не должна даже слово возразить свекрови и свекру, должна молча уважать их и слушаться.

У казахов калым немалый, около 30-40 млн сум. В некоторых местах величина калыма зависит и от образованности девушки: если с высшим образованием — 20 млн сум. Если среднее образование 15 млн [5]. В иных местах Ташкентской области сохранился обычай давать калым с целью помочь стороне невесты и частично покрыть их расходы на свадьбу и платят меньше, чем раньше. В настоящее время этот обычай отменён, как противоречащий законам республики.

Сторона жениха 2 дня проводит свадебные торжества. В первый день проходит свадебный вечер, до того ближе к обеду жених с 20-30 друзьями «куёв навкар» едет в дом к невесте [14, с. 357.]. У дверей дома стелется дорожка и его по этой дорожке «пояндоз» ведут в дом в символический шатёр. Жених разрывает край шатра. На скатерть перед друзьями жениха ставят пельмени в некоторых местах жаркое [6], а для самого жениха несут плов «куёв оши». Есть традиция: жених должен оставить на плове отпечаток всей ладони, и там, где отпечатались пальцы, кладут шоколад и несут плов невесте [7]. Этот обычай возник в современности как пожелание сладкой жизни молодым. В некоторых кишлаках есть шуточная традиция: жених собственноручно кормит своих холостых друзей (*у таджиков это называется «рузи мурод»*) — пожелание скорейшей женитьбы, чтобы и они поскорее женились. В Аккурганском районе друзьям жениха положено поставить 9 блюд (*тоққиз товоқ*) [8]. Среди разных блюд обязательно должны быть варенные яйца, национальные кушанья: самса, шурпа, норин, и обязательно баранина (*туш*). Баранина (*туш*) предназначается для жениха и его приготовлению уделяется особое внимание. На скатерти безусловно должно быть мясо барана с варенной головой посередине. Начиная есть жених и потом раздавал друзьям, поднос с мясом шёл по кругу.

В углу комнаты стелили в несколько слоёв ватные матрасы (курпачи). Из уважения жениху готовилось такое отдельное место. Тети или Бабушка невесты вносили в комнату, где сидели жених с друзьями поднос с чапаном,

тубетейкой и поясным платком. Поднос с подарками жениху назывался «куёв сарпо». Этот подарок был приготовлен будущей тещей. Один из близких друзей повернув жениха в сторону Мекки помогал ему надеть чапан.

Поднос этот пускался по кругу, и друзья жениха наполняли его деньгами и поднос возвращался тетушкам невесты. На поднос друзья жениха семь раз кладут деньги. Этот обычай называют «покупка чапана» (Чапан это стёганный ватный халат). На мероприятии и жених должен положить на блюдо с мясом деньги. Во многих местах существует шуточная традиция прятать обувь жениха и друзей, что означало «приходить почаше в этот дом». После парни выкупали свою обувь за символическую плату.

Местные парни тоже преграждали путь жениху и его друзьям, надо было им дать откуп в виде козы или цену козы. (*овул босди* назывался такой обычай [9].

И только потом жених выходит во двор и женщины выводят к нему невесту, одетую в белый наряд. Выходят все родные невесты и девушка прощается с отцом, родственниками, кланяется им, плачет, отец благословляет её, целуя в лоб.

В доме невесты за день до прихода жениха проводится девичник «кизлар базми», в котором участвуют подружки, сестры и молодые соседки [10]. Они веселятся, красят невесту их тоже угощают вкусностями. Следующее важное мероприятие это «нахор оши», отец жених готовит плов для всей махалли [13, с. 272.]. Все гости собираются в дом невесты очень рано в 7 утра, чтобы поесть плова и пожелать молодым счастья. В Бухаре тоже есть такой обычай и его называют «оши падар» то есть плов отца.

В Ташкенте после плова подают и шурпу (суп из баранины) [14, с. 353]. По согласию сторон нахор оши давали и сторона невесты, и сторона жениха. Кстати, продукты для плова отправляли в дом невесты заранее, их должны подвезти родные жениха.

На другой день после свадебного вечера в доме, куда пришла молодая проводится мероприятие «келин салом». Важным атрибутом данного мероприятия является лепешка. Хлеб сначала кусает невеста, потом свекровь, в знак того, что теперь они должны делить все в этом доме, вместе дружно жить, чтоб в доме был всегда хлеб и изобилие [11]. Потом специально нанятая певица или родственница поёт песнопения называя тех, кто подходит и говорит: «вырастившей прекрасного сына, трудолюбивой и доброй свекрови поклон» и невеста кланяется, а свекровь дарит золотые украшения и так каждый родственник характеризуется и вручает свои подарки невесте, а она должна стоять под платком и кланяться каждому.

В некоторых местах Ташкентского оазиса у казахов и киргизов имеется обычай «юз очди» или «бет ашар», где невесту выводят во двор, и какой-то родственник-малыш палочкой сдергивает с головы невесты покрывало [12], в середине круга стоит стул со стеклянной банкой, и родственники подходят к невесте с пожеланиями и кладут в банку деньги. «Деньги за смотрины» называют их.

На третий день после свадьбы начинают «чалари» или «куёв чакирув», здесь 20-30 женщин родственниц жениха идут в дом отца невесты. Каждой гостье заранее готовят поднос «туккиз-туккиз», на нем лежат подарки, сладости, лепешки и даже мясо. Отцу и дядькам жениха надевают чабаны. Первым делом чапан надевают на деда и отца. И друзьям, которые пришли с женихом тоже дарят подарок, в основном полотенце. В некоторых кишлаках сохранился обычай «куда кутди» то есть «встречай сватов». У казахов после свадьбы проводят ещё мероприятие «шукрона той» то есть благодарственная свадьба куда приглашают тех, кто прислуживал работал в день основной свадьбы.

В настоящее время свадебные мероприятия претерпевают изменения: участвуют и женщины, и мужчины совместно, приглашают профессиональных артистов. Если раньше свадьба проводилась во дворе или на улице перед

домом сейчас уже все проводят в ресторанах, в специально открытых тойхона. Появляются какие-то новые традиции, украшают подъезды дома, аниматоры веселят детей.

Все наши традиции и обычаи направлены на то, чтобы это событие стало незабываемым, все они наполнены глубоким смыслом и полны доброты пожелания счастья молодым. Каждое мероприятие сформировалось в течение веков и наполнено глубоким духовным смыслом. Поэтому новые обычаи, если они противоречат нашим исторически сформированным традициям долго не сохранятся.

Духовная культура ташкентского региона очень разнообразна и свадебные традиции отличаются своим порядком, своей задачей и семантикой. Анализируя разные традиции этого региона, мы видим их схожесть и в некоторых случаях различия в проведении обычаев.

Литература:

1. Полевые записи. Село Коростон, Чортоковский район, Наманганский област. 2023 г. август.
2. Полевые записи. Чортоковский район, Наманганский област. 2023 г. август.
3. Полевые записи. Махалля Епкенди, Янгийулский район, Ташкентский област. 2023 г. май.
4. Полевые записи. Урта Чирчикский район, Ташкентский област. 2023 г. май-июнь.
5. Полевые записи. Махалля Туйтепа, Урта Чирчикский район, Ташкентский област, 2023 г. июнь.
6. Полевые записи. Махалля Мустакиллик, Кибрайский район, Ташкентский обл. 2023 г. март.
7. Полевые записи. Юнусабадский район, город Ташкент. 2023 г. июл.
8. Полевые записи. Махалля Хамзаобод, Оккургонский район, Ташкентский област, 2023 г, март-апрел.
9. Полевые записи. Бекободский район, Ташкентский област. 2023 г. июнь.
10. Полевые записи. Село Сукок, Паркентский район, Ташкентский област, 2023 г. март.
11. Полевые записи. Махалля Хиёбонтёпа, город Ташкент. 2023 г, август.
12. Полевые записи. Махалля Уяс, Бекободский район, Ташкентский област. 2023 г. май.
13. Зунунова, Г.Ш. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций (XX — начало XXI в.). — Ташкент: EXTREMUM-PRESS, 2013.
14. Узбеки/отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории АН Республики Узбекистан. — М.: Наука, 2011.

Реализация декрета «Об изъятии церковных ценностей...» в 1922 году на территории Белгородского и Томаровского районов Курской области

Задорожный Ефрем Артурович, учитель истории и обществознания
МБОУ «Кочетовская СОШ» Ивнянского района Белгородской области

Великая Октябрьская революция 1917 года является важнейшим событием в истории России. Событием, в значительной мере повлиявшим не только на развитие политической истории нашей страны, но и затронувшей все сферы жизни общества. С первых дней своего существования новое правительство объявило классовую борьбу с врагами нового «социалистического» государства — контрреволюцией. Одним из центральных врагов революции, классовым врагом, была объявлена Русская православная церковь, которая на протяжении столетий

являлась опорой монархического государства, а с реформами Петра Великого и вовсе стала одним из институтов государственной власти.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года фактически поставил Русскую Православную церковь в положение «вне закона», лишив её не только земельной собственности, но и значительно сузив поле легального существования. Поводом для углубления кризиса в государственно — церковных отношений в СССР послужил голод в Поволжье, разра-

жившийся в 1921 г. В целом РППЦ и патриарх Тихон одними из первых откликнулись на призыв о помощи голодающим. Основанный еще в августе 1921 г. Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, действовал отдельно от государства и не получил никакой поддержки. Подлежали изъятию «Все драгоценный предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа» [1]. Ввиду выше указанных обстоятельств, данный закон явился полной неожиданностью для церкви, по канонам которой использование богослужебных предметов являлось святотатством [2]. Именно на этой почве, разгорелся новый конфликт, во главе которого встал сам патриарх Тихон [3]. Главным результатом кампании по изъятию церковных ценностей явились миллионы сфабрикованных дел по сопротивлению духовенства и мирян изъятию. Также, ее результатом можно считать компрометацию церкви в глазах населения, не только как контрреволюционного элемента, но и как аморального элемента, не пришедшего на помощь собственному народу в трудную минуту. Большинство исследователей считают, что большая часть изъятых средств не вошла в фонд помощи, а сам процесс был вызван долгами и финансовыми проблемами большевиков [4].

Процесс изъятия церковных ценностей на территории Белгородского уезда начался с создания Курской Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим (Губпомгол). В Белгороде соответственно была создана уездная подкомиссия Помгола. На данном этапе, Губпомгол, максимально демократично пытается привлечь духовенство на свою сторону. Составленный отчет о работе комиссии гласит, что на начальном этапе комиссия стремилась найти дипломатический подход к каждому религиозному культу [5]. Для достижения данной цели применялись различные формы работы с духовенством. К примеру, групповые совещания священнослужителей и церковных старост. В ходе, которого, анализируя инвентарные книги прихода, представителям общины предлагалось добровольно сдать излишние ценности. Главным итогом совместной работы власти с представителями православных общин является групповое воззвание священнослужителей к верующим, содержащее призыв к беспрепятственной сдачи излишних ценностей [6].

На рассматриваемой территории Карповской и Томаровской волостей, изъятие церковных ценностей производилось у 6 православных приходов. Основываясь на составленных в ходе изъятия «Описей церковного имущества», можно говорить о том, что комиссия по изъятию церковных ценностей приступила к выполнению декрета от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей...» с 16 мая 1922 г. из Успенской церкви слободы Пушкарное Карповской волости. У данного прихода было изъято: 3 серебряных креста, 8 серебряных риз с икон, 1 серебряное кадило и 1 серебряный ковшик. Из Никольской церкви с. Яковлево было изъято 8 риз с икон, ценность которых измерялась 2 фунтами и 65 золотниками.

Последним по времени изъятия церковных ценностей является приход Косьмы и Домиана с. Крапивное Карповской волости Белгородского уезда. Всего было изъято 10 предметов: 1 ковчег (сер. 2 ф., 57 зол.), 1 потир (сер. 1 ф., 94 зол.), 1 дискос (2 ф., 42 зол.), 1 звезда (сер. 3 ф., 25 зол.), 1 ложка (сер. 2 ф., 74 зол.), 3 ризы с икон (сер. 4 ф., 46 зол.), 1 венчик с иконы (сер. 1 ф., 24 зол.). Общее количество содержащегося в изъятых предметах серебра составило 10 фунтов 34 золотника.

Достаточно полные данные мы можем получить о ходе изъятия церковных ценностей в слободе Томаровка. Кампания по изъятию церковных ценностей в с. Томаровка была проведена 23 мая 1922 г. По результатам данного мероприятия были составлены подробные описи о количестве и ценности изъятого имущества. Из церкви в честь Казанской иконы Божьей матери были изъяты: ковчег 1 (сер. 2 ф., 29 зол.), 2 потира (сер. 4 ф., 33 зол.), 2 кадила (сер. 2 ф., 6 зол.), 1 обложка с Евангелия (сер. 4 ф., 123 зол.), 2 дискоса (сер. 1 ф., 45 зол.), 2 звезды (сер. 2 ф., 66 зол.), 4 ризы с икон (сер. 7 ф., 26 зол.), 1 щетка (сер. 1 ф., 11 зол.) и 1 ложка (сер. 3 ф., 3 зол.). Всего опись, составленная в результате проведенного изъятия, составила 51 предмет, а количество серебра оценивалось 26 ф., 75 зол.

Меньше было изъято из церкви Михаила Архангела. Данные описи церковного имущества говорят нам о 42 предметах: 1 ковчег (сер. 3 ф., 21 зол.), 1 дискос (сер. 52 зол.), 3 креста (сер. 4 ф., 63 зол.), 9 риз с икон (сер. 14 ф., 44 зол.), 4 лампы (сер. 2 ф., 55 зол.), 1 потир (сер. 1 ф., 59 зол.), 23 оправы с икон (сер. 9 ф., 65 зол.). Всего, содержащееся в изъятых предметах серебро было оценено в 35 фунтов 58 золотников. Опись изъятого церковного имущества у Николаевской церкви слободы Томаровка, говорит нам о 33 предметах: 2 потира (сер. 3 ф., 47 зол.), 1 крест (сер. 90 ф., 92 зол.), 1 ковчег (сер. 1 ф., 38 зол.), 1 дарохранительница (сер. 33 ф., 44 зол.), 3 тарелочки (сер. 3 ф., 93 зол.), 2 дискоса (сер. 1 ф., 48 зол.), 2 звезды (сер. 4 ф., 43 зол.), 1 щипцы (сер. 2 ф., 93 зол.), 16 оправ с икон (сер. 1 ф., 93 зол.), 3 ризы с икон (3 сер. 3 ф., 83 зол.), 1 кадило (сер. 3 ф., 80 зол.) (Приложение 5 с. 107). Всего серебра — 16 фунтов 22 золотника [7].

Таким образом, приведенные статистические данные говорят нам о точном размере изъятых церковных ценностей 4 храмов: Казанской иконы Божьей матери с. Томаровка, Николая Чудотворца сл. Томаровка, Михайло — Архангельский сл. Томаровка, храм Косьмы и Домиана с. Крапивное. Можно говорить о том, что у данных четырех приходов было изъято 136 предметов, большинство — серебряные, количество серебра 87 фунтов и 189 золотников. Также, мы можем говорить о том, что изъятие церковных ценностей производилось и в храмах Николая Чудотворца в п. Яковлево и Успения Божьей Матери сл. Пушкарное. Однако вследствие плохой сохранности документов данные неполные. Все изъятые комиссией ценности сданы в Уфинотдел для направления в ЦК

для помощи голодающим, а сдавшим ценности представителям духовенства были выданы копии актов с описями

принятых ценностей. В целом компания по изъятию церковных ценностей на территории Белгородского уезда: «... прошла удовлетворительно и открытого волнения среди верующих не наблюдалось. Хищений изъятых ценностей не было» [7]. Установить истинную ценность данных предметов не представляется возможным ввиду того, что ценность изъятых имущества устанавливалась достаточно условно. Изначально Уездным Финансовым отделом, затем ЦК для помощи голодающим, где ценность чаще всего занижали [6]. Кроме того, не учитывалась культурная цен-

ность изъятых имущества. Тем не менее, анализируя количество изъятого имущества, его отношение к осуществлению богослужбной деятельности общины можно говорить о том, что комиссия по изъятию церковных ценностей, в первую очередь изымала предметы утвари, не затрагивающие богослужбную деятельность, что в целом согласовывалось с декретом от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей». Также можно говорить о том, что количество изъятого имущества было прямо пропорционально экономическому состоянию прихода.

Литература:

1. Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/Сост. Г. Штриккер. — М., 1995. — с. 148.
2. Краснов — Левитин А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е — 30-е гг. XX в.): Т. 1. — М., 1996. — с. 53.
3. Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и об изъятии церковных ценностей 28 февраля 1922 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991).
4. Фирсов, С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и коммунистическое государство: 1918 — нач. 1940 — х. — М.: Православный Свято — Тихоновский гуманитар. ун — т, 2014. — с. 358-359.
5. ГАБО., Ф. Р — 379. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
6. Страхова, И. А. Белоножко Е. П. Кризисные тенденции в жизни духовенства в ходе реализации советскими органами законодательства о свободе совести в 1918-1922 гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Научные ведомости. — 2009. — № 9 (64). — с. 173.
7. ГАБО., Ф. Р — 426. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 34 (481) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 06.09.2023. Дата выхода в свет: 13.09.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.